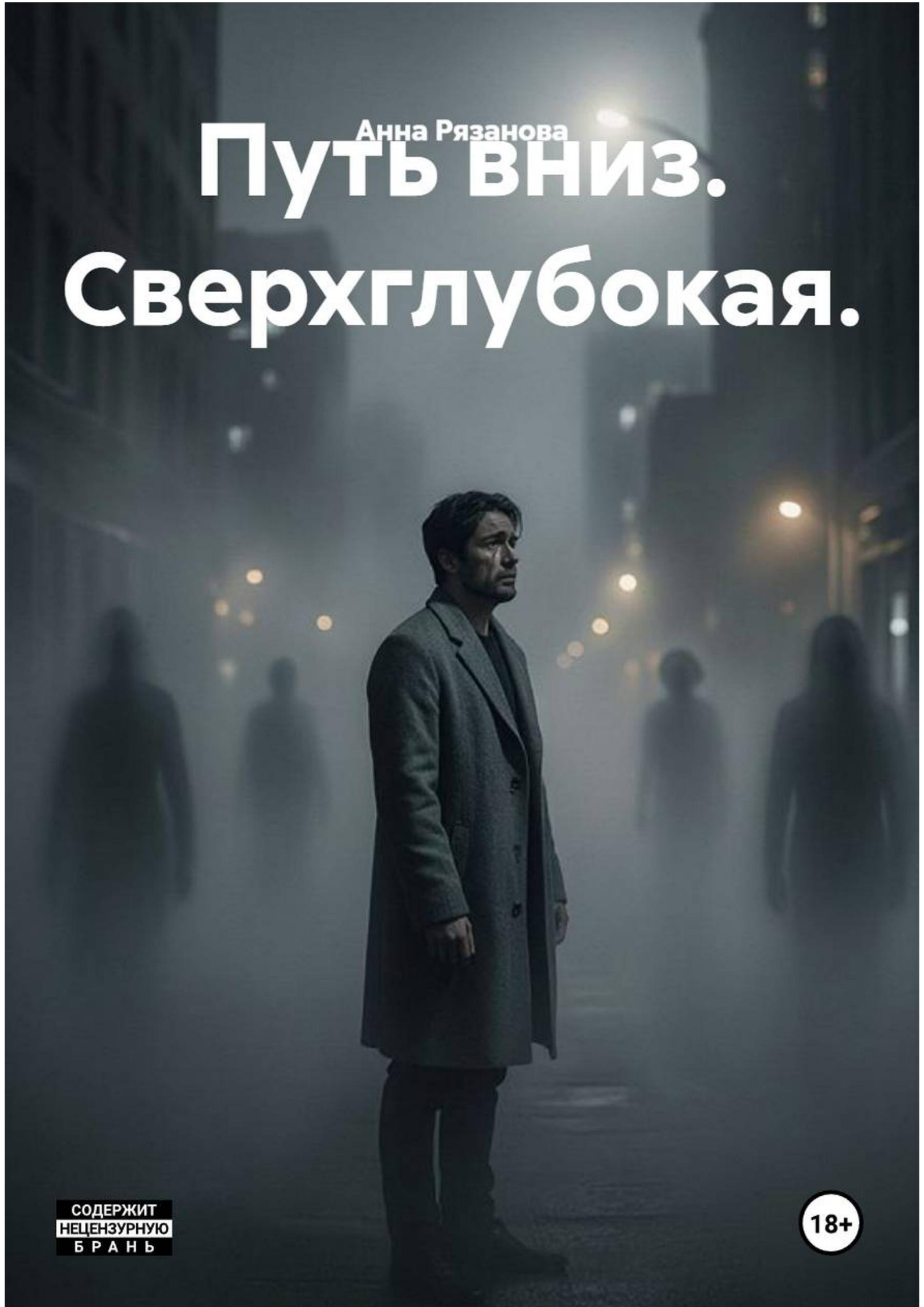

Анна Рязанова
Путь вниз.
Сверхглубокая.
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Анна Рязанова

Путь вниз. Сверхглубокая.

«Автор»
2026

Рязанова А. Б.

Путь вниз. Сверхглубокая. / А. Б. Рязанова — «Автор», 2026

Девять кругов ада — думаете, это миф?Любить ангела и каждый божий день видеть то, что не положено видеть обычномуобитателю земли, считаете сказкой?Костя потерял всё то, чем так гордился и добивался не один год. Жена умерла,карьера резко скатилась вниз. Мир перестал существовать для него таким, каким былраньше. Мистические приключения и новые знакомства приведут нашего героя в совер-шенно необычные, страшные места. Туда, откуда выбираться ему будет очень сложно.Да и нужно ли ему оттуда выбираться?

© Рязанова А. Б., 2026
© Автор, 2026

Анна Рязанова
Путь вниз. Сверхглубокая.

33.7215, 73.0433.

Крылья ангелов белые и пушистые. Они огромные, они устрашающие. Они могут защищать, накрыть всецело, и даже дуновение ветерка не проберётся под их защиту. Это одно из тех великих чудес, которыми нас могут покорить эти поистине чудные создания! Ангелы. Это неземные жители, каждый со своей судьбой. Это отдельная раса, наделённая бескрайней любовью и защищающая людей на земле.

Ангел – красивый молодой кудрявый блондин – восседал на самой вершине горы. Девственная его красота была мягкой и притягательной. Всё в нём было трогательно красиво и умилённо тонко: и черты лица, и белоснежная тога, и волнительно сформировавшееся тело, не мужа, но и не мальчика. Лучезарный голубоглазый взгляд его был устремлён в самый низ, туда, где сквозь белоснежные облака проглядывался раскинутый у самого подножья горы красивый город, Исламабад. Отдельно стоящие домики переходят в небольшие причудливые цепочки, те, в свою очередь, плавно перетекают в большие. Здесь, в горах, живут, в основном, малоимущие люди. Те, кто побогаче, предпочитают города, основная причина – не тратить время на дорогу. Дома, маленькие и в несколько этажей, лепятся к горам, в некоторые из них можно попасть как с нижней дороги – на первый, так и с верхней – сразу на пятый или шестой этаж. От головокружительной серпантинной дороги можно попасть на канатную, ведущую на одну из живописных вершин, по инфраструктуре очень напоминающую «Кок-Тюбе».

Налюбовавшись вдоволь красотой, созданной Господом Богом, ангел встал и повернулся к стоящему за его спиной демону, такому же красивому молодому человеку. Но только он, в отличие от своего оппонента, был глубоким брюнетом, и обличие его имело всего лишь один тон. Иссиня-чёрный так подходил к его холодной красоте, что становилось чуточку дурно. Смуглая его кожа была бархатиста, миндалевидные глаза смотрели на мир дерзко и с вызовом. Чёрные милые рожки едва пробивались сквозь охапку кудрявых волос.

– Он должен выбрать сам… – тихо проговорил ангел после долгого молчания.

– Брось… отдай его мне! Он же наш… и должен был выбрать уже давно… – Его душа страдает, он имеет право на выбор!

– Да, все имеют право на выбор, только делают они его слишком долго и, как правило, ошибаются! – демон злобно оскалился и свёл руки за широкой спиной.

– Потому что мы давим, пусть он сделает сам выбор!

Беззаботность демона и сосредоточенность ангела мешали завершить этот спор. Ангел мелкими шагами в задумчивости устало мерил маленькую смотровую площадку, то всматриваясь в даль, то изучая своего собеседника. Казалось, что демону абсолютно на всё наплевать. Дела у него шли хорошо, в аду достаточно грешников, ну, а с этим, с этим и так всё понятно – он выберет тьму! Это смущало и приводило ангела в волнение!

Вдруг демон подхватил ангела под локоток и быстро отпустил. Возник яркий, шумный, но абсолютно не болезненный электрический разряд. Это придало им силы и освежило обоих. Так было всегда, когда зло играет с добром или добро спорит с тьмой, на земле идёт гроза. И едва свет соприкасается со мглой, как венозное сплетение молнии пронзает мир с оглушительным треском и громом. Демон засмеялся и покачал головой.

– Не знаю, как вы, но мы и не думали давить! Его же тянет во тьму! Нам и давить не надо!

– Если вы будете его путать и лезть к нему... приходить во снах, проявлять подсказки, он так и будет слишком долго колебаться! – ангел сурово посмотрел на демона. – Он должен сам принять решение. Иначе с вашими тёмными играми его выбор может затянуться!

– Нам некуда торопиться! – раздражённо ответил демон. – Есть закон… до третьей луны он должен сделать выбор. Скоро будет третье затмение… осталось очень мало времени.

Демон улыбнулся одной из своих самых красивых улыбок:

– Отдайте его... он ведь принадлежал нам!

– Это не в моей компетенции. Душа его большая и светлая! Она слишком светла для вас! А для нас она темна… нам нужно всё равно дождаться его решения… и тогда, когда он сам заявит себе сторону, вот тогда-то и будет решено…

– Фу, как же у вас у светлых всё занудно. Душно. Наши силы равны. Но наши шансы всё равно выше! Когда он всё вспомнит и поймёт, он обязательно вернётся к нам! У вас нет шансов.

Демон устремил свой тёмный, красивый, но погрустневший взгляд на светлое и чарующее лицо ангела. И снова в его тёмной и измученной душе что-то защемило. Так происходило каждый раз, когда он смотрел на ангела. Ну а если уж совсем быть честным, демон очень часто любовался красотой этих божественных созданий! Их красота и трепетная чистота всегда вызвали в нём необъяснимые чувства.

– Пути Господни неисповедимы! Никто не знает, что он выберет.

Демон с неохотой отвёл свой взгляд от светлого и лишь грустно улыбнулся. Расправив свои чёрные крылья, он, сорвавшись с места, нырнул с обрыва вниз. Ангел проводил его взглядом и снова присел на отвесе горы. Мир был так красив!

ГЛАВА 1

Лёгкий пушистый смех приятно щекотал его слух. Костя готов был поклясться, что слышал его, ещё когда сворачивал с проспекта Славы на Бухарестскую улицу. Там он должен был встретится с Сашей, своим единственным дорогим другом. Мысль о том, что он тогда шёл на её смех, всегда веселила Ольгу. Она по-детски закатывала глаза и цыкала языком, давая мужу понять, что давно не верит в эти сказки. Он встретил её одним прекрасным питерским утром в летнем кафе. Она сидела с девчонками с курса на открытой веранде. Этот день навсегда врезался в его память, потому что, по сути, жизнь его разделилась на «до» и «после». Причём жизнь «до» он практически не помнил. Казалось, весь мир остановился в тот самый момент. Костя стоял как вкопанный у летней веранды и смотрел на неё, как будто перед ним сидел не человек, а ангел. Машины неслись по проспекту, людской гам перемешался со звуками целого мира, верещали светофоры, и только Костя стоял как заворожённый, заставляя торопливых прохожих натыкаться на него и с бранью проходить дальше. В груди сдавило и снова застучало, но только теперь совсем по-другому. Сердце поймало волну её ритма и уже до конца их истории билось ей в унисон. Подруги её посмотрели на странного парня, что-то прошептали ей на ушко, и вот она наконец развернулась к нему. Он умер, переродился и теперь едва удерживался на ногах. С губ его слетел тихий стон.

– Чёрт... – тихо прошептал он и, сам того не понимая, шагнул к веранде. По пути, нырнув в цветочную лавку, он схватил в дрожащие руки небольшой, но яркий букетик в рожке, сунув молодому флористу пару тысяч. Ольга зажмурила глаза и как-то по-детски сморщила носик. Она видела и букет, и смущение незнакомца, но подыгрывала ему, давала ещё один шанс их знакомству. Эта девушка – ангел, не меньше! А возможно, и наоборот! Она околдовала его! Но именно тогда он почувствовал, что смотрит и чувствует не глазами и даже не сердцем. Он прикасался душой к душе родного человека!

Некоторое время спустя

Костя открыл глаза и понял, что день сегодня будет тяжёлым. Голова разламывалась на части, глаза слезились от яркого света. Утро. Едва взглянув на часы, он вскочил как ошпаренный.

– Чёрт, опять проспал! Его затуманенный взгляд выхватил из всего беспорядка в квартире литровую полупустую бутыль «Хеннесси». В голове посыпались эпизоды вчерашнего досуга. Рядом что-то зашевелилось.

Боясь предположить, кто же это может быть, он медленно откинул одеяло и отпрянул. Господи, только не это! Света, томно раскинувшись на мятых простынях, совсем по-киношному закинула одну руку за голову, а другой прикрывала свой плоский живот. Выглядела она, не в пример ему, свежо и бодро. От омерзения его передёрнуло, и он отвернулся, ища взглядом свою одежду.

– Что ты тут делаешь? – его осипший от вчерашней пьянки голос вызвал на её губах лёгкую улыбку, и он почувствовал это даже спиной.

– Сплю, Мурзик, сплю… – рыжая бестия сладко потянулась и развернула его к себе, демонстрируя своё красивое, стройное тело. Мелкие кудри разметались по её плечам, а в глазах блеснуло желание. «Вот чёрт, чёрт! Как же так?» – пронеслось в его голове.

Что-то не совсем приятное, липкое и грязное растеклось в его груди, стало больно дышать.

– Вставай, тебе пора, – он вложил в эти слова как можно больше сухости, и это вышло, пожалуй, даже резко. – Вставай и иди домой, – повторил он и заметил, как губы его до омерзения пересохли, чертовски хотелось пить.

– Вот как? А вчера, значит, меня домой не отпускал, да? – девушка нехотя встала, ничуть не пряча свою наготу, подобрала разбросанные по полу юбку и кофту. Она игриво поглядывала на молодого человека через плечо, стараясь как можно ниже нагнуться за оставшимися вещами. И он поддался этой уловке, на минуту завис, любуясь её красивым стройным телом. Да, фигура у неё была что надо, но даже это не являлось оправданием того, что он смог притащить её в свой дом.

Не оправдывал его поступок и тот факт, что Света давно была его любовницей. Они были вместе более двух лет. Два года из трёх лет его жизни с Ольгой! Он провёл рукой по волосам и раздосадованно выругался:

– Черт....

– Знаешь, Храбин… ты в последнее время совсем плохой стал, может, нам опять слетать в Египет? Её ведь больше нет, бояться нечего, – Света погладила его мятую от сна спину, тем самым разозлив его ещё больше.

– Не смей! – его голос взорвал воздух душной квартиры. Он резко повернулся к рыжеволосой бестии, и рука его зависла в воздухе. Девушка застыла. Её зелёные глаза вспыхнули, рыжие волосы, кудрями обрамлявшие её маленькое личико, теперь, казалось, взъерошились, но она смогла подавить в себе бурю и лишь мило улыбнулась. «Ни дать ни взять ...ведьма», – пронеслось у него в голове.

– Ну, подумаешь… сам от неё таскался со мной же, а теперь… и долго ты собираешься вот так вот сидеть и нюни распускать? Уже весь отдел от тебя устал, сколько можно скорбеть-то?

Она была ещё той стервой. Уж он-то это знал хорошо. Её характер был словно буря, которая то утихает, то снова бушует в летнюю ночь. За это он, наверное, и… полюбил её? Он опустил руку и потёр подбородок. Любил ли он её? Что он вообще чувствовал к ней? На этот вопрос он смог ответить себе лишь после смерти Ольги. Нет, он не любил Свету. Она по каким-то химическим законам вызвала в нём страсть, похоть, от которой теперь не осталось и следа. Она была девушкой, которую бабушки на лавочке у подъезда считали, мягко говоря, беспринципной. Ей не нужно было ни подарков, ни конфетно-букетного периода. Её не смущали слухи

и сплетни. И если она кого-то заприметила, то он непременно становился её, а дальше уже она решала, будет вторая встреча или нет. И как он споткнулся на ней, так и она запнулась на нём. Но в этих сложных отношениях уж точно не она решала, как часто будут их рандеву.

Мучило и расстраивало его по-настоящему только одно: он не мог или не хотел устоять перед ней. Химия! Он не переставал удивляться её конформизму: чем грубее он её отшивал, тем ниже она «прогибалась» под него.

– Пошла вон! Уходи… слышишь, и чтоб я больше тебя не видел!!!

Он рывком вскочил и подтолкнул Светлану к выходу из спальни. Сердце бешено стучало, голова адски раскалывалась, в душе что-то ныло. Обхватив голову руками, он застонал.

После смерти Ольги его психическое состояние ухудшилось. Многочисленные запои переходили в застои. Он лежал днями напролёт на диване и смотрел в одну точку. Когда же гормоны переходили в другую фазу, его качало в другую сторону – теперь ему требовалось веселье, и он кутил ночи напролёт.

Но в последнее время что-то с ним происходило. Загулы стали значительно реже, а женщины сошли до одной Светланы. Трясина, которая его засасывала на протяжении долгого времени, очевидно-таки, опустила его на самое дно. Всё! Спёкся! Костя не мог больше ни гулять, ни пить!

Иван устало потёр виски и откинулся на спинку кресла. Молодой человек был худощав и имел высокий рост. От этого его острые коленки прилично приподнимали брюки над ботинками, смешно оголяя носки черного цвета. Лицо его было тонкое и худое. Но это ни в коем случае не делало его некрасивым. Черты лица были правильными и аккуратными. Юноша был в том самом возрасте, когда мужская красота начинает пробиваться сквозь подростковый панцирь неказистости. Тело его было не подкачано, и от того единственным его украшением стали крупные вены на запястьях и стопах.

В кабинете было душно. Ярослав Михайлович был теплолюбивым, и здесь всё соответствовало его желаниям: недавний ремонт, выполненный по всем канонам социального положения, кондиционер, которым ни разу не пользовался генерал-полковник, встроенный бар и огромный портрет главы государства. Ярослав Михайлович был невысокого роста, крупного телосложения, но имел необычайно красивые и добрые глаза. Он достаточно бодро прошёлся вокруг стола и, довольный ситуацией, сел в своё кресло.

– Я, мой голубчик, очень довольный, – генерал сладко причмокнул мясистыми губами и, сложив руки в замок, опираясь на стол, зорко посмотрел на Ивана. – Но на этом не всё!

– Нет, Ярослав Михайлович... Вы же обещали, что отпустите меня в отпуск, – Ваня уже понял, что спорить бесполезно, но сдаться просто так он не мог. Его красивое молодое лицо перекосилось гримасой отчаянья. Но и это не повлияло на настрой начальника.

– Эх Иван, Иван... я счастлив, что жизнь подбросила тебе такие испытания, которые ты смог пройти, чтобы оказаться в нашем отделе! Это поистине праведные пути!

«Началось... – подумал про себя молодой сотрудник тайного отдела. – Сейчас начнёт нахваливать, задабривать! Ничего нового... всё как всегда!» И он совершенно не ошибся. Ярослав Михайлович принялся углубляться в мастерство красноречия, где Иван был номером один, где он являлся причиной всех хороших и наилучших происшествий, связанных с этим отделом. А отдел и впрямь нуждался в хорошем сыщике уже лет сто!

– Пойми, мой дорогой, ну, отпущу я тебя... ну, уйдёшь ты в отпуск... пройдёт дня три, и мне придётся тебя снова выдёргивать! Не лучше ли сразу заняться делом? И после него, обещаю тебе, сразу тебя отпущу... пусть хоть нашествие инопланетян будет... хоть пришествие самого Христа...

– Не богохульствуйте, Ярослав Михайлович, – Иван с укором зыркнул на начальника.

– Всё... всё... всё... понял... пошутил.... это я так, к слову!

– Хорошо... давайте посмотрим.

Ярослав Михайлович суетливо вскочил и принялся рыться на полках с папками. Иван хмуро смотрел на начальника, и добрая улыбка невольно коснулась его губ. Вот как получалось у их начальника, сурового, грозного предводителя, начальника полиции, так искусно прогибаться под своих лучших сотрудников. Он имел какое-то личное обаяние, харизму, и те, кто не знал его близко, боялись его, как огня. Зато те, кто был ему близок, могли порой видеть перед собой суетливого, заглядывающего в глаза, добродушного мужчину!

– Вот, – Ярослав Михайлович положил на стол тоненькую папку. Дело было в самом зачатке, и это сразу же не понравилось Ивану. Значит, и отпуск будет не скоро. – Это, – Ярослав подвинул папку ближе к Ивану, а сам сел в кресло, – это странное дело сразу прямиком к нам на стол легло. Ваня нехотя взял папку и открыл её. Просмотрев дело, он вопросительно взглянул на начальника.

– И это вы называете «прямиком к нам на стол»? Два эпизода? А прошлый следователь где?

На данном этапе дело имело два эпизода, и вёл его другой следователь. Такое случалось, но в их отделе это было редкостью.

– Да, да, мой дорогой… Тут есть над чем подумать. Да, был другой следак… и что же теперь, не вести это дело? Его повысили, вот, – Ярослав хитро усмехнулся. – Может, и тебя повысят. Но только после завершения дела.

Пролистав дело, Иван слегка напрягся, и Ярослав незаметно выдохнул: Ваня заинтересовался.

– Тут путаница какая-то! Первый эпизод считать вторым… а второй – первым, и поскольку я рассмотрел, они едва похожи…

Но спорить было бессмысленно. Ярослав уже ликовал внутри, Иван прикусил губу и закрыл папку. «Посмотрю дома» – подумалось ему. Его так и подмывало вскочить с кресла, отшвырнуть папку и кинуться в солнечную погоду, забыть про всё на свете и купаться в лучах золотого лета. Его внутренний ребёнок, которого он когда-то потерял и совсем недавно нашёл, постоянно его провоцировал! Но всё же ребёнок был внутри, а Иван был взрослым и не мог себе позволить ничего подобного.

Воспоминания, сначала тёмные, а затем уже лишённые мрачности о том, как он сюда попал и какую роль в его жизни сыграл Ярослав Михайлович, мешали ему даже думать об отказе. Иван слегка вздрогнул. Он не имел права и не хотел отказывать человеку, который смог ему показать другую сторону медали.

ГЛАВА 2

– Наши снова продули, Коста… Ты проставляешься! – Виктор с финансового отдела, серьёзный пухлый бородач, выкрикнул сразу, едва Костя вышел из лифта коммерческого здания, располагавшегося на юге столицы, в самом центре Чертаново. Храбин суетливо улыбнулся, кивнул головой и, стараясь ни на кого не смотреть, направился к своему кабинету. Виктор виновато сморщился и втянул шею. Он бросил взгляд на коллегу за соседнем столом и, пожимая плечами, проговорил одними губами:

– Я хотя бы попробовал!

Пара коллег с пониманием кивнули, но нашлись и те, кто с укором закатил глаза. Все хорошо понимали: старого Костю уже не вернуть. И дело было даже не в лёгкой неопрятности молодого человека из-за его постоянных пьянок, не в том, что он стал бояться общества и людей, стал замкнутым и недоверчивым. Дело было в том, что надломленный человек – это всегда ответственность. А люди всегда боятся ответственности!

То, во что превратила жизнь шмыгнувшего от лифта в свой кабинет человека, нельзя было и сравнить с Константином Храбиным. Коста, тот самый, которого многие тут любили и

знали, был добродушный остряк, гуляка и кутила. Он вёл свой отдел к неумолимому успеху, каждый хотел поработать с ним!

Закрыв за собой дверь, Храбин шумно выдохнул. Тут он смог расслабить узел галстука и, откинув пиджак на кресло, приготовил себе кофе. Это занятие он не доверял никому, впрочем, как и не разрешал посторонним заходить в свой кабинет. Кабинет. Крепость и его обитель! Впрочем, тут не было ничего такого, что могло бы взбудоражить взор вошедшего. Обычный офисный муравейник. Мебель простая, незамысловатый интерьер. Большой удобный диван, полки с так называемым хвастовством – наградами и статуэтками «премий», огромный рабочий стол и пара кресел.

Сделав пару глотков бодрящего крепкого напитка, Костя приник к окну, любуясь видами. Нащупав что-то в кармане, Костя на мгновение замер, затем вытащил оттуда маленькую вещицу. Миниатюра пастушьего рожка. Эта была любимая и единственная булавка Ольги. Помнится, он сам преподнёс ей этот миниатюрный филигранный пастуший инструмент. Почему-то ему казалось, что это непременно должно принадлежать ей! Ювелирная работа, с которой была выполнена эта мулька, придавали вещице оригинальную и даже уникальную важность. А из категории важности она сразу переходила в статус бесценности, ибо была неотъемлемой частью супруги. Держа её в руках, Костя ощущал, что Ольга рядом. Порой ему даже чудилось её дыхание!

Мегаполис жил. Люди, как тараканы, сновали из здания в здание, жёлтые жуки-такси извергали своих пассажиров и почти тут же проглатывали новых. Зелёные уставшие курьеры на велосипедах и роликах проворно и суетливо пронзали пространство, словно они были наделены какой-то сверхсилой.

Костя усмехнулся. Ему вдруг показалась забавной суть самого существования! Все эти людишки, обычные, такие же, как и он, совершенно не обращали внимания на своих собратьев, тех, кто их подвозил или доставлял им еду. Все были дифференцированы по окрасу! Только так можно было отличить человека из сферы услуг, и только на такого человека можно было не обращать внимания. Всё, как и сто, и двести лет назад. Ничего не поменялось! Есть богатые, есть бедные, есть нищие. Не получилось у нас построить коммунизм, вышел только капитализм. При этих мыслях Костя снова усмехнулся. Вообще он был далёк от политики, не то чтобы он в ней ничего не понимал, просто рассуждать о том, как бы он поступил, будь он серьёзным чиновником, он не брался. Срабатывала обычная людская алчность, которой он тоже не был обделён. Что бы он сделал, став высокопоставленным чиновником? Конечно, в его голове роились мысли о благородстве, о помощи нуждающимся и всей этой пафосной ерунде. Но окончательная и бесповоротная мысль, которая придёт практически любому здравомыслящему человеку, попавшему в эту сферу, заключала в себе лишь собственные блага! Он мысленно перечислил: машина, хорошее, тёплое уютное жилище и желательно не одно. Финансовое благополучие, которое зависело только лишь от того, сколько денег он сможет незаметно провести через офшор, и, конечно же, здоровье.

Костя снова улыбнулся. Отставив чашку, опустив жалюзи на окне и спрятав булавку в карман, он сел в кресло. Господи, как он изменился! Карандаш нервно заплясал между его пальцами. Он практически не помнил себя до Ольги. Память его рандомно выдавала размытые картинки из детства. Обычного детства, которое было у миллионов его ровесников. Он учился в заурядной школе, мечтал стать космонавтом, влюблялся в девчонок и прогуливал музыкальную школу. Курить за гаражами его научили в старших классах, но трепать нервы маме он стал уже с начальной школы.

Выпускной его прошёл одной яркой вспышкой. Он не мог сказать точно, много ли он выпил тогда или радость об окончании школы и являлась той самой вспышкой. Получение диплома горело в воспоминании гордой маминой улыбкой, только и всего.

Студенческие годы промелькнули в его памяти как-то смято, не давая возможности вспоминать радость, которая несомненно должна была быть от сдачи сессий и экзаменов.

Саша. При воспоминании о друге на губы Константина снова легла улыбка. Да, Саша, пожалуй, оставил в его прошлом яркий след, даже воспоминания о семье не такие свежие и светлые. Он оставался по сей день его единственным близким другом. Саша был словно тень, постоянно находился рядом. Ну и конечно, не было ничего удивительного в том, что работали они тоже вместе.

Карандаш треснул и переломился пополам в его пальцах. Не выпуская штриховик из руки, Костя встал и снова подошёл к окну. Отодвинув слегка опущенные жалюзи, он и не думал всматриваться, ему просто хотелось посмотреть, что мир за окном ещё жив. А за окном тем временем жизнь шла своим чередом. Ему было интересно понять, что с ним произошло тогда после свадьбы. Как и когда пришло то время, когда он стал так относиться к Ольге? Так, что это привело к трагедии. Но ведь он любил её безумно. Он чувствовал, как внутри него всё трепетало от её голоса, как душа раскрывается только от одного её взгляда. Её прикосновение вызывало в нём неведомый восторг! Что произошло потом, когда он перестал видеть в ней всё прекрасное и дорогое для него? Что руководило им? Почему вереница женщин и постоянные пьянки стали ему важнее самого дорогого человека на свете? Жизнь Кости изменилась.

Он тяжело вздохнул. С ним что-то происходило. Он будто жил не по-настоящему. Будто бы и не жил вовсе. Костя отвернулся от окна и направился к креслу. В кабинете было мрачно и тихо. То, что ему и требовалось. Кошмары и галлюцинации. Вот что теперь наполняло его ночи и дни. Ужасы в его снах были настолько реалистичными и детальными, что он мог ощущать дуновение ветерка, чувствовать запахи, ощущать боль. Однако в своих кошмарах он не наблюдал себя. Сны его реконструировались таким образом, что он всё видел от первого лица, будто главный персонаж остросюжетной игры, словно на нём был шлем 3D! Разум и ощущения были его, оболочка – нет!

Порой, рассматривая тело, выполнявшее его команды, он останавливал свой взгляд на руках. Они были непривычно большими и крепкими, усыпанными маленькими родимыми пятнами. Ну и уродцем же был тот, с кем он делил свою участь во сне!

А ещё уродцем был пёс, который появлялся в каждом из его кошмаров. Огромная тупая морда. Пёс действительно был большим. Мускулы его величественно «играли» под шоколадным окрасом шелковистой шерсти. Он был настоящим исчадием ада. Зверь рычал, и земля под ногами содрогалась, оскал его морды заставлял сердце бешено стучать, перекачивая тонны литров крови за минуту. Появление его обычно предвещало окончание сна, но иногда эта псина могла просунуть свою морду и в середину сновидения.

Константин заметно напрягся. Было ещё кое-что, что тревожило его. Слияние во сне разума Кости и чужого тела порождало что-то такое, что нельзя было назвать человеком. Сущность, что обретала с каждым кошмаром силу, была ничем иным кроме как исчадием ада, мутантом, монстром.

Костя откинулся на спинку кресла и задумчиво уставился в окно. А ведь он боялся признаться себе, что испытывал удовольствие от того, что совершал этот монстр в его снах. То колоссальное блаженство, растекавшееся по каждой клеточке тела молодого человека, не было испытано им ни разу в реальности. Потому что в жизни он не мог воплотить то, что делал с лёгкостью во сне – он мог УБИВАТЬ!!!!! Его мутант убивал людей! О… нет! Это были не банальные убийства! Возможно, он уцепился за эту мысль и потому не считал себя извращенцем. Убийства были игрой! Изощрённой игрой Мутанта и жертвы! Последняя выполняла действия, на которые её толкало чудовище. Помутнение рассудка жертвы и слабые её места продвигали игру к неизбежному яркому концу – убийству.

Молодой человек поёрзал в кресле. Возможно, боль утраты породила в нём эти кошмары, а они потянули в жизнь галлюцинации, ещё одну его ноющую рану. Странные, длинные, колы-

хающиеся на лёгком ветерке ленты насыщенного зеленоватого цвета! Они поблёскивали на солнце или тускло сияли при пасмурной погоде, и всё бы ничего, но эти ленты были... продолжением некоторых людей.

Конечно, Костя задавался вопросами: почему эти ленты не у всех? Что они означают? Почему их никто не видит, кроме него? Он решился однажды на отчаянный шаг – потрогать их, и это привело к скандалу и хорошей оплеухе. Нельзя было сказать, что Костю это пугало, но он чувствовал себя причудливо и странно, ибо не мог разгадать этиологию этих явлений. Умение анализировать продвинуло его к небольшому успеху: у детей эти ленты не встречались, чаще всего обладателями были мужчины, и никакой связи с расой, едой, возрастом, местоположением, погодными условиями, статусом они не имели. Что с ним происходило?

Костя тряхнул головой. За окном яркое солнце пыталось пробиться через жалюзи. День был в самом разгаре. В офисе сновал народ, принтеры извергали кучу бумаги, клавиатура бешено клацала, сотни пальцев рук набивали тексты. Где-то разрывался телефон. И Костя очнулся от воспоминаний. В дверь постучали, и почти тут же из-за двери появилась голова Сашки.

– Хе-хей... привет, дружище! – молодой человек просочился в кабинет, схватил первую попавшуюся папку со стола и плюхнулся на стул. Его красивые тонкие пальцы перебирали листы бумаги. Он быстро сверкнул своими чёрными глазами на друга и, отшвырнув папку на стол за ненадобностью, принялся теребить пуговицу на шее. – Как же меня достала это официальность! – подмигнув Косте, выдохнул он и наконец освободил ворот.

Это был сухопарый, поджарый, молодой человек. У него были достаточно крупные черты лица, но правильно подобранная причёска и безупречное владение мимикой превратило его в настоящего красавца. Он по праву считался на курсе первым Дон Жуаном, дальше в жизнь он выплыл вполне созревшим ловеласом. От этого жгучего брюнета сошло с ума немало девушек.

– Чего тебе? – устало улыбнулся Храбин. Он продолжал сидеть в кресле, все ещё под впечатлением от своих воспоминаний.

– Тебе бы надо к Шреку зайти, – сухо сказал тот. «Шреком» звался их шеф. Толстенький, неопрятный толстосум. В принципе, это был хороший человек, который занял в жизни благоустроенную нишу, имел полезные знакомства и вёл дело всей своей жизни. Их компания была заветной мечтой любого рекламного агента. Но не любой агент мог стать сотрудником этого офиса!

– Потом зайду, – ответил Костя. Саша покосился на друга и нахмурился. Выглядел Костя плохо. Его состояние бурно обсуждали в офисе. Его скрытность и явная мизантропия приводили коллег в полное отчаянье.

– Во что он превратился! – сетовали местные красавицы, прекрасно помня, каким ловеласом был их начальник. Однако Храбин был прославлен отнюдь не своими похождениями. Его талант раскрылся практически сразу после окончания института. Он как-то без труда сделал дипломную работу, без особых препятствий его заметили нужные люди, и спустя пару месяцев он уже был в штате компании. Всего год у него ушёл на восхождение по карьерной лестнице, и теперь он практически единственный рекламный агент с кабинетом и кучей льгот. Сашка был его тенью, уступая ему в серьёзности и, конечно же, в таланте!

– Он что-то не в духе сегодня, – Саша кивнул в сторону кофе-машинки, и Костя нехотя поднялся. Проделав нехитрую процедуру, он протянул чашку с дымящимся напитком другу. Аромат молотого кофе тут же разлетелся по кабинету.

– Твой кофе самый лучший, – съехидничал друг. Костя сел обратно в кресло и устало ответил:

– Не старайся... знаешь же, что не подпущу к своей технике.

Сашка знал. Но кофе и впрямь был очень вкусный.

– Коста... ты... ты что, опять замутил со Светой?

Теперь шутки кончились. Конечно, Сашка не просто пришёл!

– Нехорошо это, Кость, она вон ходит по отделу, трезвонит про вашу ночь сегодняшнюю.

Костя с раздражением посмотрел на друга, и их взгляды встретились. Костя первый опустил глаза. Ему нечего было возразить. Он всё понимал, всё знал, а ещё ему безумно не хотелось это обсуждать здесь и сейчас.

– Сегодня ровно год…, а я всё никак не могу забыть её… – голос Кости предательски задрожал.

–Да… а завтра будет год и один день… Коста, заканчивай, тебе тяжело и мне тоже, я не могу тебя видеть в таком состоянии. Ты был лучшим, ты был на первом месте… Посмотри, в кого ты превратился!

– Моя успешность была её заслугой, только благодаря ей с внутренним миром у меня было всё в порядке.

– Ну, тогда ты так не говорил, – Саша развёл руками и подошёл к окну. Он говорил осторожно, прощупывая тропинку:

– Тогда ты считал по-другому, я помню, как ты нервничал, что она читает твои смс, что она постоянно рядом, когда тебе хотелось улететь в Египет с очередной шалавой! Тебя прикрывал я! Скажи мне, не проще ли всё это забыть теперь, Кость? Всё прошло, я знаю, что это тяжёлый период в твоей жизни, да и в моей тоже, я любил Олю, её уже не вернуть, и как бы ты ни был виноват, уже ничего не исправишь!

Последняя фраза выстрелила. Костя замер. «…Как бы ты ни был виноват…». Это-то и мучило его. «Виноват!» Вот оно что! «Виноват!» Слово эхом крутилось у него в голове. Значит, не ему одному так кажется! Он виноват!

– Тебе к психиатру надо… меня беспокоят твои сны, ты выглядишь очень плохо, понимаешь, – Саша почувствовал, что сейчас можно говорить, сейчас можно достучаться. Он в два шага пересёк кабинет и навис над столом. – Коста, ты утонул… Понимаешь, дружище, ты не тонешь, ты уже утонул… Весь офис переживает за тебя! Тебя потихоньку перестают приглашать заказчики, ты ставишь нерентабельные ролики, … ты видишь странные сны и какие-то ленты жёлтого цвета… Костю словно погружали во мрак. Всё то, о чём думал он, всё то, в чём обвинял самого себя, теперь озвучил Саша. Его тошнило, хотелось просто встать и уйти, или нет, ему захотелось напиться.

– Зелёного, – тихо прошептал он.

– Что? – тупо переспросил Саша, и когда до него дошло, резко стукнул по столу, но затем взял себя в руки. – Это что, и правда так важно для тебя? – и в голосе, и во взгляде Саши промелькнула тень сомнения.

– Что именно? – рассеяно переспросил Костя.

– Ленты… Коста, … ленты!!! Цвет твоих лент…. Ты даже не слышишь меня… – Саша выпрямился и глубоко выдохнул. Запустив руки в карманы, он постоял ещё с минуту, раздумывая о чём-то, но потом ринулся к выходу.

– Чёрт! Сегодня заказчик хотел меня видеть, я возьму это дело и сделаю его так, чтобы нам не было стыдно! – крикнул ему вдогонку Костя. Ему непременно хотелось доказать другу, а заодно и всем, что он сможет и придёт в нужную форму, но то, что Саша сказал перед тем, как выйти, подкосило его, и он застыл в своём кресле, тупо смотря на дверь:

– Они попросили Михайлова, ты снят…

Захар протянул руку и поздоровался, даже не отрываясь от монитора. Ваня огляделся и присел напротив. Кабинет Захара был, как всегда, заставлен. Всё тут было по его правилам, всему было своё место. Первая часть кабинета, очевидно, была лабораторией. Тут находилось наибольшее количество склянок, чашек Петри, бутылочек. Захар был неплохим химиком,

далеко не профессионал, но и не любитель. Вторая половина больше по технической части. Бесконечное количество плат, каких-то схем. Маленькие детальки и хлам, что тут хранился, были для хозяина кабинета чем-то вроде клада, и ни на какие уговоры очистить кабинет хотя бы наполовину Захар не шёл.

Это был мужчина, которому уже перевалило за тридцать, но Ваня не хотел знать, сколько ему лет на самом деле. Были подозрения, что прожил он уже не одну сотню лет. Словно ходячая энциклопедия, он знал ответ на любой вопрос. А вопросов у Вани было очень много. Когда разум его переставал справляться с натиском проблем, Ваня бежал к Захару, и тот, словно гуру, созидательно молчал, а после связи с космосом открывал ему совершенно иной мир. Этот же мир, но с другой стороны. И всё становилось вроде бы понятно, всё ясно, и в то же время страх охватывал душу, а сердце учащённо билось в груди.

Мир был совершенно не таким, каким нам его показывают в детстве! Их отдел занимался как раз той самой реальностью, в которой было комфортно Захару и ему подобным. И она скрывала немало секретов. Отдел их был тайный, и именно поэтому немногие, в том числе Иван с Ярославом Михайловичем, были двойными сотрудниками.

Располагался их отдел в стенах полиции, собственно, как и полагается тайному отделу. В реальной жизни Ваня был обычным оперуполномоченным: пресекал преступность, задерживал правонарушителей и тому подобное. В реальности, где каждый день добро боролось со злом, Иван был следователем второго уровня. И именно тут важность вещей из первой реальности становилась просто ничтожной и даже смешной! Размышления над всем тем, что с ним произошло и как он стал другим, привели его к мнению, что жизнь, протекающая рядом с обычной жизнью, должна была бы открываться всем, а не только избранным! Всё было бы тогда просто. Всегда всё было просто до смешного! Если ты согрешил, тебе обязательно придётся за это заплатить. Не успел в этой жизни – расплатишься в другой! Был насильник – с тобой непременно поступят так же в следующей жизни! Убил – тебя убьют, ограбил, обманул – всё вернётся к тебе с лихвой! Так работала вселенная, такой была жизнь. Но, увы, не все знали про карму!

Иерархия эта была проста, но очень строга и сурова. Делюмины охраняли сторону света, декалиты несли зло и тьму.

Так чем же занимался их отдел? Их отдел выслеживал экстрасенсов, чернокнижников, магов и всех тех, кто совершал обряды, обманывал людей, наводил порчу и делал привороты. Вылавливали тех тёмных, которые обманом скупали души и тем самым пополняли ряды декалитов.

Но, по мнению Ивана, не все экстрасенсы были таковыми. Встречались среди них и нормальные. На самом деле, не в приворотах и порче было дело, а в том, что страдали все вокруг, но только не те, которые совершали эти обряды. Чернокнижники не предупреждали своих заказчиков о том, что расплачиваться придётся самим клиентам. Каждый совершённый ритуал – это всплеск энергии, которой и питалась тёмная сила, и расплачиваться за совершённое действие клиентам приходилось дважды. Первый раз они платили магу, второй раз тёмным силам, сами того не зная, теряя здоровье и жизнь. Были случаи доведения до самоубийства, проводилась порча на смерть.

Тёмный мир очень богат на действия, о которых многие даже и не подозревают. Мир очень опасен, коварен и порой несправедлив. В жизни восьми миллиардов людей, населяющих этот голубой шарик, происходит очень много странностей, очень много того, чему нет объяснений. В этот момент и подключаются светлые, служащие аукторитам. Ваня был следователем второго уровня, а это значило, есть куда расти! Все дела проходили через Ярослава Михайловича – он совершал свой ритуал, по которому убийства, кражи и другие поступки, совершённые тёмными и портящие предписанную судьбу обычного или просветлённого человека, пере-

распределялись и попадали к таким, как Иван. Ну а после того, как отдел отработал на славу, к вынесению приговора приступали инквизиторы. И вот тут Иван был полным профаном.

Ваня в задумчивости опустил голову на руки и не отрываясь смотрел, как Захар корпит над новой программой. Точнее, над её усовершенствованием. Обычная база данных светлых и тёмных.

– Что с тобой? – поинтересовался Захар, даже не посмотрев на коллегу.

– В отпуск вот хотел, а Яр опять дело мне дал. Говорит, последнее. Потом отпуск.

– Не верь.

– Не верю...

Опять повисла тишина. Захар перепроверял алгоритмы, Ваня на этот раз смотрел в окно.

– Слушай, что там с тем парнишкой, которого ты раскрыл?

На этот раз Захар отвлёкся от монитора и с интересом посмотрел на Ваню.

– Борис? – переспросил Ваня, хотя и так знал, что речь идёт о последнем его деле. – Он жив, всё в порядке.

И это было правдой. Его последнее дело, от которого Ярослав Михайлович был в восторге, впрочем, как и от всех остальных его дел, было обычным и совсем несложным. Но так казалось на первый взгляд. Когда дело легло Ване на стол, он даже не сомневался, что пройдёт всего пара-тройка недель и дело будет раскрыто. Дело было о не связанных между собой убийствах двадцати пяти человек. Случайные люди из разных частей города зверски убиты.

Тем же вечером он приступил и нырнул в сумрак. Увы, но работа обычного опера отличалась от работы опера из тайного отдела. И сроки расследования тоже сильно отличались. Каждый опер из тайного отдела работал по-своему. Кто-то входил в транс, чтобы напасть на след преступника, кто-то использовал гипноз. Ваня работал с сумраком. Он умел видеть в сумраке, умел видеть через сумрак. Состояние, которое было свойственно только ему, помогало молодому следователю понять причастность души к делу, которое он вёл. Он мог осмотреть душу погибшего и потом по известным только ему данным вычислить преступника. Ибо и преступник, и потерпевший всегда имели что-то общее. Найдя души всех убиенных из того дела, к которому он приступил, Ваня принялся вынюхивать и рассматривать их. Словно пробуя каждого на вкус, он пытался понять их, полностью раскрыть и прочесть.

Получилось довольно быстро и чётко. В поле у каждой жертвы убийца откликался, каждая из жертв подсказывала Ване информацию о внешности и тонких деталях, из которых впоследствии Ваня и сложил портрет убийцы.

Проблема была в том, что показать лицо убийцы не под силу ни одному духу! Только маленькими пазлами, маленькими особенностями – родинка, цвет кожи или глаз, можно было выстроить внешность злодея. Всё, как в реальной жизни, но только опера из тайного отдела имели ещё и нюх! Умели чувствовать человека по запаху, видеть его ауру и много чего ещё!

Но существовала ещё одна ниша в эзотерическом, мистическом мире, которая с виду была очень похожа на отдел, где служил Иван. Люди из этой сферы засветились ещё в древние времена, потому что ими правила жажда денег и власти. Экстрасенсы, медиумы, ясновидящие и все остальные по списку имели дар, коим обладали и служащие тайного отдела, только вторые служили исключительно аукторитам, и дар у них был всё же посильнее. У светлых были своя сила, свои каноны, и охотились они именно на тех, кто служил тёмным.

Убийца был тёмным. По крайней мере, на это указывало само дело, раз уж его передали Ивану, и все показатели из сумрака сливали его в ранг бесов. Убийцу-маньяка он нашёл довольно быстро. Им оказался молодой человек по имени Борис. Ничего необычного: заурядный парень, достаточно крупного телосложения, не женат, живёт с мамой и бабушкой. Неплохой ИТ-специалист. С детства, правда, приключались с ним странности, но родные списывали неадекватное поведение сначала на переходный возраст, потом на отсутствие в его жизни друзей и девушки.

Однажды бабушка нашла в его рюкзаке какие-то странные таблетки, и с тех пор в доме его считали наркоманом. Когда он совершил свои злодеяния, в семье не очень-то удивились. Преступника взяли. Обвинение было банальным – маньяк на стороне тёмных. Дело закрыли.

Свою часть работы Ваня выполнил хорошо и быстро, нашёл убийцу, выдвинул первичное обвинение и теперь убийца дожидался в СИЗО адвокатов-аукторитов.

Но Ивану было не по себе. Слишком мало он ещё проработал в этой сфере, слишком много непонятного было для него вокруг. Молодой опер никак не мог взять в толк, что могло сподвигнуть обычного адекватного человека на убийства с жестокостью. Да, он был тёмным, душа его была черна, но это и неудивительно, после стольких убийств он не мог оставаться на стороне света! Он либо заплатил этими убийствами, чтобы стать тёмным, либо что-то ещё!

Как бы мало Ваня ещё ни проработал, но он хорошо понимал – с Борей не всё так гладко! Человек, который идёт в сторону темноты, изначально в своей жизни совершает немало пакостных поступков. Так устроено его начало, так заложено в его душе. И чем душа озлобленнее, тем больше тёмного к ней липнет. Это как испытания свыше.

В душе Бориса Иван не видел тяги к темноте! Не было в его жизненной истории и поступков, которые могли бы его перетянуть на сторону зла. Не совершал он пакостей в своей жизни, никого не подставлял, не предавал. Тогда что его заставило убить двадцать пять человек?

Он не был гедонистом – маньяком, совершавшим убийства ради убийства! Ваня видел его из сумрака, это бы он точно приметил. Не был он и миссионером – маньяком, очищающим этот мир. Что подходило к его типу, так это визионер – маньяк, совершавший свои деяния под воздействием голосов и галлюцинаций. Ваня успел хорошо его прочитать. Именно это и вызвало в нём интерес к личности спокойного, умного, не раздражительного, не замкнутого, не мнительного человека.

Все перечисленные выше качества были главнейшими характеристиками, по которым рассматривали личности маньяков. Иван перелистал все лекции с последних курсов школы милиции, пытаясь обнаружить там сходство с характеристиками маньяка. Борис не подходил ни под одну из них. Но едва Иван хотел закончить штудировать лекции, как вдруг наткнулся на последний портрет. Визионер оказался самым подходящим. В тот самый момент ему и позвонила Агата. Его лучший друг и близкий человек.

Она была не из его мира, точнее было бы сказать, из противоположного. Агата была экстрасенсом, именно тем, на кого и охотились такие, как Ваня. Дружба этих двоих была с самого её начала совершено. Следак второго уровня и экстрасенс. По счастливому случаю он однажды встретил её при особых обстоятельствах, и с тех пор они были самыми близкими друзьями.

Она, конечно же, понимала, где он работал, а он никогда не посвящал никого в отделе, с кем он водит дружбу. Очень часто девушка давала ему важные и нужные советы, а иногда и вовсе поясняла то, что не мог или не хотел объяснять Захар, хотя тот о существовании последней даже не подозревал.

Обсудив с Иваном все детали, Агата предположила возможное наличие какого-то сильного заболевания. И тут Ваню осенило! А что, если это шизофрения? Этот диагноз, скорее всего, ему и поставят! В его практике ещё не было таких случаев, но такое происходило часто! Работал он недолго, и такое дело должно было встретиться ему рано или поздно. Имея такое заболевание, люди под влиянием голосов или галлюцинаций, которые слышат и видят только они, совершают убийства разной тяжести и разных категорий. Всё зависит от того, какое у них задание! Да-да! Именно задание! Ведь те люди, которые имеют психиатрические заболевания, делятся на два типа: люди, не принявшие и не признавшие в себе дар, и те, которые имеют подселенцев.

С первыми всё понятно. У человека есть дар, и он не принимает его, не верит в него или не замечает его. Знаки свыше он принимает за случайности, неудачи подкашивают и топят

его самооценку. Следует несколько этапов подсказок от вселенной, но, когда и это не срабатывает, начинает проявляться второй тип. Подселенцы разных уровней начинают изводить человека. Избранный, то есть, человек, имеющий дар, на какое-то время теряет защиту делюминов. Светлые всегда защищают одарённых, однако именно непринятие человеком своего дара и приводит к ослаблению защиты.

И вот тогда тёмные подсылают своих разноуровневых бойцов, которые начинают присасываться к человеку и нашёптывать ему какие-то тёмные задачи. Галлюцинации и голоса приказывают людям идти и убивать. Всегда идёт сложная борьба за одарённого. Светлые, спохватившись, пытаются отвоевать избранного, тёмные ведут его до конца.

В реальной жизни эта борьба выглядит примерно так: светлые включают свои возможности, и у родственников такого человека появляется возможность медикаментозно держать больного под контролем. Бывает, что светлые одерживают полную победу, и больной принимает свой дар. Для этого ему в жизни посылается неожиданная встреча, человек, который наталкивает на мысль, что он особенный, направляет его. Тёмные включают свои возможности, и в жизни родственников может что-то пойти не так! Например, переезд одного из членов семьи, смерть или что-то такое, что отвлечёт внимание родственников от больного! Всё это длится долго, и человек порядком устаёт от происходящего, его душевное равновесие выбивается из колеи, и порой это может закончиться суицидом! Тогда страдают и светлые, и тёмные. Обе стороны вызываются инквизиторами на суд. Дальше Ваня не знал.

Всё пересказанное выше было поучением Захара, полученное перед тем, как Ваня занялся делом Бориса. Тоже мало похоже на совпадение, но Ваня принял эту информацию за посвящение его в этот мир. Возможно, и дальнейшее вмешательство Вани в это дело было как раз одобрением в виде рассказа Захара.

Ваня пробрался в СИЗО. До работы адвокатов делюминов он хотел сам разобраться в происходящем. И вот только тут, в спокойной обстановке, Иван заметил лохматого, небольшого, но достаточно вонючего харя – сущность из касты декалитов, что подселяется к человеку. Классификация сущностей на самом деле невелика. Их не так уж много, и все они выполняют несколько функций, но вот харь среди них самый неприятный и обманчивый. Как только Ваня не приметил его сразу! Возможно, ему прикрыли зрение. Такое тоже часто встречается! Возможно, Харь был слишком мал при задержании и теперь вырос до размера, когда он может убить самого человека. Вынудить его на самоубийство. Сделать это так, что инквизиторы будут подозревать и светлых, и тёмных! Задеть вибрацию мира, в который Иван ещё не имел доступ. Но недосягаемый мир его сейчас не беспокоил. Борис был марионеткой, пусть не принявшим свой дар, но всё же человеком, которого ещё можно было вытащить! Инквизиторы уже в пути, но, судя по размеру Харя, они могут не успеть.

ГЛАВА 3

За окном уже давно стемнело. Грязные заляпанные оконные стёкла тускло пропускали свет фонарей. Серые стены на серой кухне, казалось, впитали в себя все запахи за эти двадцать лет. Мужчина, невысокий, но коренастый, в растянутых трениках и тельняшке, шатаясь, прошёлся по кухне и занял своё законное место – кресло у окна. Это было его место, место, где он сводил счёты с этой грёбаной бесполезной жизнью. Он сводил счёты, потому что не любил себя, не любил свою семью, не любил эту серую кухню и эту серую жизнь. Самое время принять то, что ему всегда помогало.

Антон поставил бутылку на стол и кивнул.

«Да, именно так я и мечтал жить, именно этого и желал», – с усмешкой подумал он.

«Жена должна быть «под кулаком», – вертелось в его голове, и для образа он громко стукнул кулаком по столу.

Что ей нужно-то, бабе? Денег он приносил, правда, их не всегда хватало, но пожрать вроде было. Она молодец, Валька-то, крутилась, готовила из всего, что покупала подешевле.

Раздражённый своими мыслями о неудавшейся жизни, сидя на обшарпанном кресле, он подлил себе из второй, только что начатой бутылки в пустую рюмку и отломил хлеба.

«А Настька… совсем большая уже, восемнадцать, пусть идёт работает! Я в её годы уже пахал вовсю! И с бати, между прочим, не требовал ни копейки! А эта, гляди-ка, то на заколки, то на колготки… вот сучье отрепье… А не то вон гляди и в подоле принесёт», – Антон смачно сплюнул на чистый, но протёртый до дыр линолеум.

Из зала вышла Валя. Полная женщина с расчёсанными в прямой рядок волосами, крупными каплями пота на лбу и грязном халате. Она посмотрела на мужа и прищурила свои узкие из-за толстых щёк глаза. Это была некрасивая женщина.

– Ты посмотри, ты чего на пол-то плюёшь? Я же убираюсь, я готовлю целыми днями, а ты всё никак не нажрёшься! – женщина схватила полотенце и замахнулась на мужчину. Тот вовремя увернулся и, сгорбившись, продолжал молча пережёвывать хлеб.

– Антон, ну когда же ты пить-то бросишь, уж сил нет, хватит, может? Вот, поди, вторую работу найди…

– Я не могу… у меня спина болит… – угрюмо ответил кормилец и налил себе ещё рюмку.

– А глотка у тебя не болит? Ты же всю зарплату пропиваешь, ты же в дом ни копейки не приносишь! Настёна вон на почте подрабатывает! И не стыдно тебе?

– Нет… не стыдно… – буркнул Антон и заглотнул содержимое рюмки.

Женщина развернулась и зарядила ему полотенцем прямо по лицу.

– Чтоб ты сдох, скотина, от своей водки… Настя! – крикнула она дочери. – Давай спать ложись, уже поздно… Ух, – и снова замахнувшись на мужа, она вышла.

Антон продолжал сидеть на кресле и ожидать «прихода», когда отключается полностью мозг. Когда не будет сил встать, а руки и ноги непослушно болтаются. Тогда весь мир погружается в ритм бешеного кайфа, известный только ему одному, который невозможно остановить и догнать. Он словно попадает в сказочный мир прошлого, кинолента жизни отматывает назад, туда, где он был ещё молод, был ещё счастлив! Только тогда он, казалось, и был жив, только тогда и был счастлив! Где же тот шаг, когда он оступился? Как превратился в такого неудачника?

Воспоминания из далёкой юности сразу поползли из самых потаённых уголков памяти. Он о многом уже и думать забыл, а именно сегодня, когда тоска так сильно овладела его сердцем, вылезало всё, проявлялись даже маленькие, никчёмные эпизоды.

Он вспоминал, как любил Катеньку с соседнего двора, как рвал для неё розы и ромашки, её любимые цветы. Они катались на лодке и ходили на танцы. Она любила его так, как никому и не снилось, от любви загорался красный закат, птицы пели так громко и красиво! Та любовь сводила с ума их обоих, даря им в то же время столько радости и понимания!

А потом он ушёл в армию. Его не было три года, он писал ей, она ему отвечала. О! Какие это были письма, как она отвечала ему, и как он читал ей стихи под луной после отбоя за несколько тысяч километров от дома, и она клялась сама себе, что слышала их! Поэзия тогда жила в нём, окутывала его душу.

Когда томление разлукой было закончено, им казалось, что весь мир лежит у их ног, и больше никто в мире не сможет их разъединить!

Они строили планы, присматривали обручальные кольца, и вот однажды на какой-то вечеринке он встретил Валю, этого монстра, разрушившего его жизнь, его мечту! Он уже не помнил почему, но Катенька не смогла прийти, а он, перебравший портвейна, всё пытался вырваться из разгулявшейся компании и совершенно не понимал, для чего его зовёт девушка Валя в комнаты, ей нужно в чём-то помочь, что-то сделать! Что она хотела от него, он понял через месяц, когда она пришла к нему на свадьбу со справкой о беременности.

Он был женат ровно месяц! Всего один чертов месяц, и тот дали для раздумья.

После скандала на свадьбе Катенька ушла к маме, и он так и не дотронулся до неё! Так и не понял, что значит любить, целовать, ласкать любимое тело! В загсе дали тот самый месяц на примирение, но об этом не могло быть и речи.

Валя стала его женой. Она родила, обустроила квартиру, создала весь этот быт и полностью заняла его пространство. Так все и продолжалось изо дня в день.

Окончил институт, работал, растил ребёнка. Запрограммированная жизнь не давала сбоя: праздники у родителей, летом на юг, осенью копать картошку всей семьёй. И все это время система работала, пока однажды до него не дошли слухи, что Катенька вышла замуж!

Антону было всё равно, дни бежали за днями, ночи меняли дни, и вскоре он понял, что ничего не чувствует к этому миру! Он понял, что умер!

Жизнь оборвалась. В тот день он первый раз напился так, что не помнил ничего. С того дня и поныне бутылка была радостью всей его жизни. Сначала по чуть-чуть, потом он стал пить так, что не мог вспомнить, где живёт. Жизнь превратилась в каторжное существование. Он не любил ни дочь, ни жену, он боролся с собой каждый день, напиваясь лишь для того, чтобы забыть всё то, что с ним произошло!

– Я не смог бы! – голос прозвучал явственно и резко.

Антон дёрнулся и открыл глаза.

Показалось? Хотя в таком состоянии он вряд ли мог что-то слышать! Но нет, за столом напротив него сидел мужчина. Чёрное пальто скрывало неизвестного гостя, окутывая его тело до пят. Но и по этому бесформенному наряду можно было отметить высокую фигуру и атлетическое телосложение. Сидел он вполоборота, и капюшон ниспадал на голову так, что лица не было видно. Положив руку на стол, гость нащупал пепельницу и, изучив её рисунок на ощупь, отодвинул назад. Рука его была большой и очень неприятной на первый взгляд. Небольшие оспинки и пигментные пятна делали её какой-то загадочной, словно обладательницей этой конечности была Баба Яга, а не широкоплечий незнакомец.

– Ты кто? – вяло спросил Антон и полез за бутылкой.

– Я? Сын… кто знает, может быть, я неродившийся ваш с Катей сын?

При упоминании этого имени, такого родного, Антон почувствовал, как что-то больно кольнуло в груди. Хмель слегка сошёл.

– Что тебе нужно? – Антон почуял холодок. Появление незваного гостя или призрака прошлого в его доме, на его кухне было слегка шокирующим. Он вроде и протрезвел, но что-то мешало ему думать трезво. Чем-то страшным несло от этого человека. Зло? А может, это уже белая горячка?

– Мне хочется, чтобы ты посмотрел, как ты живёшь… – не унимался гость. Голос его был ровным и тихим. А в душе Антона – двойное чувство: спокойствие, окутанное тревогой.

– Ну и живу… хорошо я живу… – сумбурно промямлил Антон, пытаясь привести свои мысли в порядок.

– Скажи, – гость тихо усмехнулся. – Каково это, целовать нелюбимую? Она сломала тебе жизнь. Ты готов всё это терпеть дальше? Для чего? Почему? Ты же её не любишь, ты воспитываешь ребёнка, которого совсем не хотел!

Каждое слово, произносимое «чёрным» гостем, выхватывало из памяти одурманенного Антона нежные моменты из его прошлой жизни. Жизни, где была Катя, где пахло цветами, где была любовь. Словно этот человек прокручивал киноплёнку в его голове. Он что-то с ним делал! Шум в голове, тошнота и спазмы были своего рода защитной реакцией на проникновение чужеродного существа в его думы. Антон ощущал себя марионеткой. Ещё чуть-чуть и он станет податливой игрушкой в неизвестных руках!

– Я… Я… – мямлил Антон, безвольно уставившись на гостя. Пытаясь всё ещё бороться с невиданной силой, он встряхнул головой, но так и не смог избавиться от видений.

Расплывчатой дымкой они кружились то ли в его сознании, то ли перед его глазами. Картинки из прошлого. Счастливого прошлого.

Пытаясь вырваться из плена воспоминаний, Антон теперь всматривался в пустое чёрное пятно капюшона. Он жаждал рассмотреть его, уловить его взгляд, но так ничего и не увидел.

Гость, однако, наблюдал за ним, изучал. Взгляда не было видно, но он выглядел очень пугающим и казался разрушительным. Антон чувствовал, как он проник к нему в голову, отрезвляя его, потом, словно огромный осьминог, орудующий щупальцами, он опустился к сердцу, сжимая его и причиняя невыносимую боль! Антон схватился за грудь и жадно глотнул воздух. Картинки перед глазами кружились, не останавливаясь. Гость тихо засмеялся. Наконец, боль отступила, но щупальца поползли куда-то вглубь, перетряхивая все его потроха. Вдруг они остановились, нащупав то, что искали. Острая боль пронзила все тело Антона, и боль эта была не физической! Острая, пронзающая, она прорвалась, словно многолетний гнойник, извергая из себя все страдания, все обиды. Душевная рана была открыта, гость сковырнул её, как опытный хирург, и оставил кровоточить, выпуская всё плохое наружу!

Антон не нашёл больше сил сопротивляться и отдался ему целиком. Теперь он уже не владел ни своим телом, ни своим разумом!

Что-то с ним произошло. Что-то щёлкнуло внутри. Внутренний тумблер уже давно был готов к включению, а теперь его повернули!

– Убить… Их нужно убить! – приказал ему голос.

– Убить? Кого? – тихо переспросил Антон и осмотрелся по сторонам. Но он уже и сам понимал, о ком идёт речь. Страх от этой мысли появился и тут же исчез.

Нож! – промелькнуло в его голове. Идеальное оружие для убийства. В его висках стучало, и где-то внутри звучали тихие голоса, почти бессвязные, они звали его совершить то, о чём он боялся думать, но думал украдкой!!! Страха уже не было. В голове его разбушевалась война, обида против привязанности, закон против желания, но в скромном умственном процессе победила обида, которую Антон вдруг осознал.

Теперь для него ничего больше не существовало. Гость отошёл на второй план, и Антон приступил к действиям!

Остекленевшие глаза смотрели на обшарпанные стены кухни, и вся обида, вся ненависть выходили из его души. Теперь он даже дышал по-другому, со злостью, негодованием, жаждой мести. Он и подумать не мог, что всё это сидит так долго у него внутри!

«…она… она, сломала… убить… за что мне всё это? Я не смогу больше даже видеть её, убить!»

Словно убийца со стажем, Антон, не торопясь, расчётливо выбрал один из ножей в кухонном столе. Остриё лезвия плавно прошлось по большому пальцу мужчины, разрезая плоть, как мягкое сливочное масло. Струйка крови выбралась на свободу и побежала ручейком к запястью, превратившись в большую алую каплю.

Это вызвало у него довольную улыбку.

Всё шло по плану.

Валя спала на спине, широко раскинув руки, тонкие и слипшиеся от пота волосы несколькими пучками пакли лежали на подушке, её ночная рубашка с пошлым рисунком из корабликов слегка задралась и оголила толстую ногу чуть выше колен. Антон подавил приступ тошноты. Как он мог с ней спать? Пьяный? Да, только водка и спасала.

Женщина ровно дышала, она спала глубоким сном, и Антон почувствовал дикое удовлетворение от превосходства, нависая над ней с ножом. Он с любопытством разглядывал её, и вдруг возник всего один вопрос: как можно превратиться в такое существо?

Она же не любила себя, вечно грязная и немытая, с поганым ртом, из которого лились ругательства, делая её ещё отвратительней. Жажда избавления подгоняла его, притесняя другое чувство – желание никогда не слышать этот голос и не смотреть на это тело! Избавиться от

него раз и навсегда! Пора, он не может больше ждать. Избавиться, избавиться прямо сейчас, пусть будет тюрьма, но там он будет без неё. Она лишила его настоящей жизни, и он ответит ей тем же!

Взмах.

Удар.

Нож вошёл в тело поначалу туго, хоть и был острым. Толстая кожа заставила его остановиться на долю секунды, но затем он проник глубже, ещё и ещё, разрезая все слои этой ненавистной для него плоти. Он целился в сердце. В темноте он увидел, как широко она распахнула глаза, в которых прочиталось недоумение, боль и ужас. Валя лишь приглушённо вскрикнула, дёрнулась, но не сильно, хотела схватить его руку, но не смогла это сделать из-за жира, который мотался мешком на её пухлых руках. Она, словно свинья на ферме при забое, могла лишь тихо всхлипывать и снова закрыла глаза. Он никогда не думал, что можно так легко убить человека! На его губах появилась довольная улыбка. Или это только с ней так легко?

Она же совсем не сопротивлялась!!! Это показалось ему оскорбительным до глубины души.

Валя не шевелилась. Она лежала тихо, голова скатилась на правый бок, примяв несколько прядей потных волос. По простыне расплылось багряное пятно, от которого пахло кровью. Озверевший от непонятного, но приятного запаха Антон оставил жертву, вдоволь налюбовавшись ею, и направился в спальню к дочери.

Она тоже должна умереть. Эта девчонка не принесла в его жизнь ни капли счастья, только орала по ночам в детстве, а сейчас могла говорить с ним в таком тоне, что зарезать её было бы истинным удовольствием. И самое главное, это маленькое чудовище стало причиной его несложившейся жизни.

Девушка лежала на животе, раскинув руки, похожая как две капли воды на свою мать, и, похрапывая, улыбалась во сне. Отец подошёл поближе к своему отпрыску и остановился на долю секунды. Что-то было в ней не так. Только сейчас внимательно разглядев свою дочь, он отметил, что она не была копией своей матери, она унаследовала и от него, своего отца, черты лица. Фигура тоже слегка напоминала ему о том, что он был когда-то молод. И тут Антон на секунду засомневался. Может, просто уйти сейчас и всё, не трогать её, она ведь ребёнок, пусть живёт?

– Ты должен доделать до конца! – над самым ухом голос без телесной оболочки возвратил его к реальности, заставляя его действовать дальше. И снова отвращение и злость накрыли его своим полотном!

– Я не могу! – тихо прошептал Антон, он пытался пролезть сквозь это полотно, освободиться. Окровавленные руки начали опускаться, где-то внутри него рос протест, но поддержки у него не было, бороться с этим демоном было слишком тяжело!

– Ты должен… иначе Катенька никогда не узнает про то, как ты её любишь.

Катенька!

Раздался рык. Что-то большое и грозное появилось подле Антона. Животное, огромная мускулистая собака угрожающе оскалилась. Но Антон почему-то её не испугался. Зверь этот словно придал ему сил. Умные глаза на грозной морде сверлили мужчину, и вдруг Антон почувствовал, что нет в нём больше жалости и нет в нём ничего, что бы могло его сломить. Он высоко занёс руку для мощного удара.

Крови почти не было, но дочь проснулась. Он не понял, то ли перед ударом, то ли после, но её глаза смотрели на него снизу вверх. Её взгляд излучал такую мольбу, что руки его слегка дрогнули, но сила мысли демона не позволила ему сомневаться больше доли секунды!

Дело уже завершено. Нож торчал из спины, покачиваясь от судорожного дыхания девушки. Ткань ночной пижамы окрасилась в алый цвет вокруг рукоятки, но дальше кровь не пошла, остановилась, словно это было всё, что есть в этом хрупком, почти детском теле! Её

губы смыкались и размыкались, и лишь через секунду Антон понял, что дочь хочет ему что-то сказать.

Отец слегка подался вперёд.

Выплёвывая сгустки крови, Настя выдохнула в последний раз:

–За что, папа?

–За мою жизнь… дочка! – сухо ответил Антон.

Настала гробовая, нет, адская тишина! Никогда в жизни Антон ещё не слышал столь тяжелый и давящий шум. Словно мясник, весь перепачканный кровью, он стоял посередине квартиры и рассматривал тела своих жертв. Жена была за стеной, но даже через стену он видел, как отвратительно лежало её тело. Дочь вызывала менее агрессивные чувства, мысль о ней заставила сойтись его брови, и что это была за эмоция, он и сам не знал.

Жалость? Отвращение? Негодование?

– Ты молодчина! Теперь ты свободен! – рука, абсолютно не имеющая температуры, только небольшой вес, легла ему на плечо. Будто они были закадычными друзьями!

Гость потрепал его по голове и направился к выходу. Медленно, словно дико устал, он лениво перебирал ногами, отчего балахон его весело плясал. Гость всё ближе продвигался к выходу.

– А как же Катенька? – спросил Антон, смотря ему в спину. Голос его предательски дрогнул. Именно сейчас до него начал потихоньку доходить весь ужас произошедшего.

– А Катенька живёт с мужем и детьми заграницей… – человек в балахоне остановился у двери и лишь на секунду развернулся к онемевшему Антону. – Да, как-то спрашивал у неё про тебя… она даже не помнит, кто ты!

Часы верно и плавно отсчитывали секунды, совершенно не стесняясь проходящего времени. К стене, где они висели, бодрящая луна протянула свои серебряные руки. Она оставила отпечаток (длинный серебристый свет), давая возможность проснувшемуся от очередного кошмара Косте разглядеть циферблат.

Три часа ночи. Тик-так, тик-так, тик-так.

Опять кошмар!

Костя лежал с открытыми глазами. Сердце бешено колотилось. Наконец, он решился и поднял руки. Осмотрев их и не заметив пятен от крови, не обнаружив пигментных узоров, с шумом выдохнул. А наслаждение тем временем расплывалось по его телу, дыхание ещё не восстановилось от пережитого удовольствия.

Тик-так, тик-так, тик-так. Четыре часа утра.

Он досадовал на себя. Каждый раз давал себе обещание, что найдёт во сне любую отражающую поверхность и заглянет в глаза тому, кто совершает эти злодеяния. Он непременно хотел знать, кто ими управляет, но, как и прежде, сон увлекал его.

Его вытошнило прямо под кровать.

Тик-так, тик-так, тик-так.

Пять утра!

Нужно привести себя в порядок, снять этот ужас, принять ледяной душ. Тишина в квартире уже не мешала. Монотонный звук работающего холодильника стал его почти родным собеседником, он чувствовал себя ещё живым, пока работал этот белый ящик. Ещё иногда радовал скрип за окном. На балконе натянутые верёвки, словно струны, играли ему мелодию, громкую и совсем неромантичную.

Храбин уже привык к одиночеству и безразлично относился к этому миру. Равнодушная пустая квартира, холод постели и тишина. Возвращаясь с работы, он не обращал внимания на грязь, включал телевизор и валился на диван. Иногда он отправлялся в кафе, что располагалось напротив его дома, и садился за один и тот же столик у окна. То место, где они с Ольгой так

часто коротали вечера. Костя заказывал горячий шоколад, что любила Ольга, и чашечку кофе. Горячий шоколад он ставил напротив, рядом клал брошь – пастуший рожок, а кофе придвигал себе. Так он мог просидеть не один час. В голове его в это время прокручивалась лента счастья. Отдельные радостные моменты, мимика родного лица, её улыбка и глаза.

Полусонный, с привкусом блевотни во рту и с воспоминаниями об ужасном сне он направился к туалету, когда вдруг в кромешной темноте что-то промелькнуло. Храбин остановился посередине зала и замер. В ушах нестерпимо звенело. В горле пересохло. Медленно, будто боясь кого-то спугнуть, он оглянулся вполоборота туда, где стояло зеркало.

Холод резанул сердце. Что-то до боли знакомое мелькнуло в отражении зеркала. И он увидел её!

Господи, как же она была хороша! Она совершенно не изменилась.

Лицо! Белое, почти прозрачное оно смотрело прямо на него. Распущенные волосы и полупрозрачная одежда мелькали в посеребрённом покрытии стекла.

Замерев на миг и прижавшись к стене, он не нашёл в себе силы двинуться. Страшно не было! Призрак жены смотрел на Костю, и её нежная улыбка вызвала у него в душе невыносимую тоску и боль. Всё было, как и тогда, когда они были счастливы. Наконец найдя в себе силы, он подошёл к серебряному порталу и дрожащей рукой коснулся мерцающего стекла. Его душили слёзы и тоска. В полной тишине, не считая бормотания холодильника, полной темноте, не имея даже слабого света уличных фонарей, Костя стоял, приросший к зеркалу. Он не мог угомонить своё сердце, которое вот-вот должно было выскочить из груди. Тишина будто играла с ним, она то звенела, то накрывала его сознание лавиной паники, то вновь принималась звенеть, напрягая его перепонки, но стук своего сердца он слышал чётко!

– Ты должен торопиться! – вдруг прошептала она отчётливо и ясно. Волосы её развевались от невидимого ветерка той реальности, в которой она сейчас пребывала, глаза жадно всматривались в него, будто она хотела запомнить, насмотреться на него.

– Оля… Оля… – Костя положил свою ладонь на отображение её лица, но, не ощутив тепла, опять закрыл глаза и зарыдал.

– Костя… торопись, ты должен выбрать! Скоро луна, и она никого не пощадит!

Тик-так, тик-так, тик-так... часы стали живыми.

Перебарывая себя, шумно выдохнув, он наконец-то успокоился и открыл глаза. Никого нет. Только его отражение: жалкое, растерянное, осунувшееся и постаревшее лицо. Впалые глаза, небритый подбородок и проступающая кое-где седина.

Включив свет во всей квартире, Костя ринулся в ванную и открыл воду.

Состояние было ужасным, отвратительным. Вода ледяными струйками изучала его тело, освобождая от напряжённости и жара страха, который переходил в озноб.

Чуть-чуть успокоившись и придя в себя, Костя ещё раз подумал, что с этим нужно что-то делать!

Придётся обращаться к врачу, к психиатру, потому что то, что видит он, ставит его на ступень рядом с человеком, у которого большие проблемы с психикой!

Ещё раз ополоснувшись ледяной водой, он захотел выпить крепкого кофе. В зеркала в этот день он больше не смотрелся.

Уже начало темнеть, когда Агата припарковала свою машину на захудалой обшарпанной остановке. Окраина города в любом месте России, наверное, выглядит именно так. Тут резко заканчивается асфальт в частных секторах, перестают светить фонари, и в разы поднимается уровень загрязнения улиц.

Агата была не одна. Клиентка её, молодая и испуганная девушка, нервно огляделась.

– Мне страшно… – тихо и жалобно проговорила девушка. На вид ей было лет двадцать. Она умело раскрашивала себя косметикой на все двадцать пять, ну а причитания выдавали её внутренний тридцатилетний возраст. Как только она пришла к Агате, экстрасенс увидела в ней потенциальную жертву абьюза.

Девушка была не только готова к таким отношениям, так как это была её родовая программа, но и даже, как казалось Агате, немного страдала без них. Но пришла она к ведунье не с этим запросом.

Её погибшая сестра, капитан полиции, совсем недавно покончила жизнь самоубийством. Грех очень страшный, и испуганная, измученная младшая сестра пришла с вопросом про убийство. Как казалось Марго, так звали клиентку, сестру убили, сама бы она не решилась на суицид.

– Её даже похоронили не по-человечески! – плакала Марго.

– Не отпели, что ли? – удивилась Агата.

– Не отпели… – кивнула Марго. – Как будто Вы не знаете, что у нас не отпевают самоубийц!

– Знаю, – кивнула Агата и усмехнулась. – А ещё я знаю, что это всё ерунда. Это всё условности религии.

– Не богохульствуйте.

– Да как Вы не поймёте. Чтобы удержать одного человека, массу, нужно их привязать к чему-то. Я не против религии, но только когда она побуждает к светлому и хорошему. Я верю во Всевышнего как в безначальное начало. Как в творца, который создал абсолютно всё в этом мире! И уже мы тут на земле решаем между собой, как должен выглядеть этот творец вселенной. Буддисты говорят одно, христиане другое, исламисты третье. А я даже и подумать не могу, как выглядит наш творец, потому что свято верю, что он в каждом из нас. Вы что, реально думаете, что в исламе прописано, что в убийстве неверного нет греха? Нет, нет же такого, и это уже придумали сами люди. Те, кому это было удобно. Многожёнство, не отпевать самоубийц, это тоже из того же разряда. Да как вы не поймёте, тело нам дано свыше! Это наш храм, наша чистая идеальная чаша! Мы от рождения уже богаты! Но со временем начинаем пичкать наше тело всякими гадостями: алкоголь, никотин, наркотики и тому подобное! Это и есть то, что может разозлить вселенную. То же самое происходит и с самоубийцами! Да нет, по сути, никакой разницы, отпели вы тело или нет! Есть только одна проблема в том, что человек добровольно прекратил свой жизненный цикл! И за это его вселенная обязательно накажет! Он переродится совсем нескоро! Скитаться ему суждено очень долго. До того срока, который ему нужно было бы прожить! Каждый из нас приходит сюда для отработки какой-то задачи, и вот представьте себе, человек ушёл, так и не отработав свой кармический долг. Теперь этот долг ему суждено будет вдвойне пройти в новой жизни! Ну а пока он блуждает между мирами, за него должны молиться те, кто связан с ним родством.

Эта тирада дала Марго невероятный толчок для размышления. Девушка будто посмотрела на мир другими глазами. Теперь факт неотпевания её сестры имел совершенно не трагичное основание. Агата изложила её печаль совсем с другой стороны. И нужно признаться – это было для неё очень важно!!!

Агата работала сразу. Как правило, она призывала хранителей рода, и те давали ей необходимую информацию. Иногда мёртвые сами к ней шли, чтобы что-то рассказать.

Она никогда не тянула клиента, не вымогала денег, от хорошей и честной работы клиентская база её была гораздо выше, чем у многочисленных соперников на этом адском поприще.

Всевидящая приступила к работе сразу. Призвав погибшую, Агата моментально поняла, что перед ней не что иное, как самоубийство. И первый признак – молчание души. Погибшая пришла молча, и разговорить её стоило огромных трудов. Люди, которые уходили по собственной воле, лишались возможности приходить во снах к родственникам, не могли говорить и

были, словно прокажённые на переправе, то есть, в астрале. Как правило, их наказанием было хождение по миру живых. Тогда они превращались в призраков либо блуждали в астрале, тоже некая разновидность привидения.

Но Агата знала, как разговорить самоубийцу. К концу сеанса душа могла однозначно отвечать на лёгкие вопросы. В принципе, большего Агате было не нужно.

Зачастую близкие родственники не могли принять всю правду об усопшем, и самоубийство всегда, почти всегда воспринималось в штыки! Тут же родственниками вспоминались жизненная радость усопшего, его тяга к жизни, но никто из них по-настоящему не знал, что же творилось в душе у человека, который избрал для себя страшный и непоправимый шаг. Именно поэтому Агата и не торопилась со своим вердиктом. Стоило перепроверить свои ощущения.

Агата попросила духа прийти на место, где был завершён его жизненный путь. Там она собиралась ещё раз всё хорошо посмотреть.

Душа появилась почти сразу, как машина припарковалась. Теперь нужно было только идти за ней, слушать и чувствовать, и тогда можно пережить всё то, что пережил сам человек в последние минуты жизни.

Так получилось, что капитан полиции любила велопрогулки и на последнюю свою прогулку тоже поехала на велосипеде. Выехав на окраину района, девушка заехала подальше в парк, который плавно перерастал в лес.

Тут она блуждала примерно с полчаса, выбирая и рассматривая стволы и растительность. Наконец, выбор её пал на один из толстых старых дубов. Марго шла рядом, чуть позади, с удивлением и страхом наблюдая за экстрасенсом.

Как же всё же бывает тяжело объяснять людям, что видят такие, как она.

Видения, что посещали Агату, мелькали маленькими короткими вспышками. Они сыпались, мелькали, а бедной ведунье предстояло их сложить в правильной последовательности и расшифровать. Всё могло быть не так, по-другому, но этим и отличался настоящий экстрасенс от простого шарлатана. Настоящий экстрасенс должен был чувствовать, а не только видеть!

Душа шла медленно, будто совсем не хотела идти по тому последнему маршруту.

Терзания, которые были в душе капитана, болью и страхом отдавали в душе самой Агаты. Нужно было понимать, что или кто толкнул на это страшное действие девушку. Причиной такой смерти всегда было вмешательство тёмных. Только вот теперь нужно было понять, кто именно её побудил к этому.

Мысли экстрасенса вдруг переключились на Ивана. Агата про себя поблагодарила создателя за то, что он дал ей такого человека.

Иван был для Агаты подарком небес. Он помог ей понять некоторые вещи, подсказывал и выводил на нужную мысль. Жалко, что она не могла видеть, как видит он! И конечно же, сейчас она жалела, что его нет рядом.

– Вы что, были уже тут? – голос Марго прозвучал далеко за спиной, и только тут Агата остановилась. Утопая в своих думах, она не помнила, как закрыла машину, как безропотно следовала за духом, минуя все ненужные повороты, сворачивала именно туда, где можно было пройти. Это всё слегка ошарашило Марго, которая теперь стояла позади Агаты и вся дрожала то ли от прохлады, то ли от выкрутасов экстрасенса.

– А? ... А нет, я просто знаю, куда идти…

Марго шмыгнула носом и засунула руки в ветровку.

– Если вы меня разводите, то это бесчеловечно… слышите? – её тёмно-русые волосы весёлыми кудряшками озорно подпрыгивали при каждом движении.

– Послушай меня, я ни в коем случае не хочу тебя обманывать… я пришла сюда, чтобы посмотреть, как и кто подвёл твою сестру к самоубийству…

– То есть, вы тоже думаете, что её кто-то убил? – с надеждой в голосе спросила Марго.

– Нет, – Агата покачала головой и подошла к Марго. Она обхватила её за плечи, понимая, что сейчас сделает ей больно. Душевную боль иногда тяжелее перенести, чем физическую.

– Нет… она сделала это сама. Но я хочу разобраться, что за сила заставила её это сделать! Это может быть бес или подселенец, которого она могла подцепить где угодно. Поэтому там, в офисе, я попросила её привести меня на то место, где она умерла. Место смерти всегда очень сильное, и оно о многом может нам рассказать.

– Это она ведёт вас? – голос Марго заметно дрожал. Девушка оглянулась вокруг, будто надеялась увидеть тут ещё кото-то.

– Да.

– А я могу её увидеть?

Теперь не было сомнений, Марго плакала.

– Я хотела дать тебе возможность с ней поговорить, но позже, мы ещё не дошли. Осталось чуть-чуть.

Дальше они шли молча. Парк становился всё темнее, и редкие фонари освещали одинокие деревянные лавочки. Чем дальше они уходили в гущу, тем больше парк превращался в настоящий густой лес. Душа шла медленно, её раскачивало из стороны в сторону, что мешало сосредоточиться Агате. Вдруг совсем рядом, за небольшой берёзкой послышался шорох. Марго остановилась как вкопанная и, вытащив руки из карманов, вытянулась, как струна.

– Что это?

Агата огляделась и выдохнула с облегчением. Не зверь, а ещё одна неупокоенная душа пришла поговорить или что-то передать своим близким.

– Тихо. Успокойся, Марго, это ещё кто-то пришёл.

Экстрасенс не стала тратить время на новую душу, потому что его у них и так было мало. Нужно было торопиться. Ночь не самое удачное время для прогулки в лесу. Наконец, они дошли до небольшой опушки, и душа, трясясь всем своим эфирным телом, подплыла к огромному дубу. Ствол большого дерева раскинулся ветвистыми лапами, кора, тёмная и извилистая, была красивым дополнением к образу старого уставшего долгожителя.

– Это и есть твой последний миг? – спросила Агата.

Душа затряслась и, оглядываясь по сторонам, кивнула. Но всё же оставалось такое ощущение, что она боится кого-то увидеть. Тот, кто при жизни ей руководил, теперь мог не отпускать её и в потустороннем мире.

«Эх... сейчас бы в астрал», – подумала Агата, но понимала, зайти не сможет. Не умела. А то бы она рассмотрела душу получше. Снова вспомнив про Ивана, она коротко вздохнула. Был у них договор не злоупотреблять возможностями друг друга. Если так, то Агата воспользуется помощью друга, но только чуть позже. Сейчас нужно было понять, кто и как был инициатором погибели души.

– Что… что она говорит? – засуетилась Марго, но Агата уже входила в транс и показала ей жестом не мешать.

То состояние, в котором Агата работала с душами, всегда выматывало её до предела, но только так она видела и слышала. Но как бы она ни входила в транс, она оставалась в своей реальности. Души приходили в этот мир. Опять где-то в глубине девушка вспомнила о возможностях Ивана, и это не могло не вызывать в ней нотки зависти.

Душа стояла у дерева и отрешённо смотрела куда-то мимо Агаты.

– Ты… ты можешь сказать, кто тебя заставил это сделать? – Агата подошла поближе к душе. Время шло, и чем больше проходило с момента убийства, тем более размазанными могли быть показания. Время могло стереть какие-то моменты из памяти фантомов.

– Я сама… – душа говорила тихо и медленно, будто ей кто-то что-то нашёптывал.

– Послушай… ты не могла это сделать сама. Что произошло? Никто не верит в это!

Марго, стоявшая в сторонке, наблюдала за монологом Агаты и при каждом слове экстрасенса прикрывала рот.

– Я… думала, что я больна.

– Чем?

– Рак… я думала, у меня рак…

– Кто тебе об этом сказал? – теперь Агата старалась говорить тихо и спокойно. Контакт был налажен, душа готова была отвечать.

– Голоса… голова болит, мне больно…

Душа сжала обеими руками фантомную голову и, прижавшись к дереву, громко застонала.

– Что… Что там? – Марго взволнованно следила за Агатой.

– Говорит, думала, что болела.

– Да, было такое… она говорила мне о том, что боится! Говорила, что если заболеет, то станет обузой.

– Ты болела? – Агата крепко держала и не отпускала душу.

– Нет...

– Тогда почему ты это сделала?

– Они мне сказали… голоса мне приказали... я каждый день слушала их…, и они говорили... говорили… говорили...

– Что говорили?

– Говорили, что я должна умереть...

Марго отчаянно всматривалась в пустоту перед собой, но так ничего и не видела. Зато Агата хорошо видела, как душа даже после смерти не могла освободиться от лап подселенца.

К сожалению, всё, что происходило с усопшей, было знакомо Агате. Она не раз встречала такое в своей работе. Не раз пыталась помочь, не раз успокаивала души. Теперь оставалось лишь найти того, кто так недобросовестно отработал. Кто скинул свою работу и привёл к гибели ни в чём не повинного человека.

Картинки шли теперь медленнее, сеанс подходил к концу. Тут нечего было больше расспрашивать, нечего узнавать. В мелькавших эпизодах Агате всё-таки удалось разглядеть маленького беса и мельком лицо мага, очевидно самоучки, который так неумело скинул свою работу.

Подошло время прощаться, и Агата, пропитавшаяся фантомной личностью усопшей, повторяя все её движения, обладая запахом умершей и даже слегка переняв у неё интонацию, медленно подошла к Марго и обняла девушку. Та замерла на секунду, но почувствовав невероятную схожесть со своей сестрой в обнявшем её экстрасенсе, вдруг обмякла и зарыдала.

– Прости меня, Гоша. Прости... я думала, что справлюсь... не смогла... – шептала на ухо Марго её сестра. Марго ни на секунду не сомневалась, что сейчас её обнимала и разговаривала с ней её старшая сестра.

– Я.… я прощаю... прощаю тебя... но почему ты мне ничего не сказала...

– Маму... береги маму... ей плохо очень...

Марго кивала головой, содрогаясь в рыданиях, и крепко держала Агату в объятьях.

– Не кури... не нужно... и принеси мне мандарины... помнишь... те... из нашего детства...

Марго снова замерла на секунду и вдруг издала нечеловеческий вой.

Её воспоминания тут же выдали случай из их беззаботного и красочного детства.

Они совсем маленькие, Марго пять, сестре семь. Девочки сбежали от родителей и набрели на небольшой рынок на окраине их района. Тогда в детстве это приключение казалось необычайно интересным и опасным. Хотелось напугать родителей и стать самостоятельными. Восточное умиротворение, которое по обыкновению царит в таких местах, всегда располагает к добрым и чутким поступкам. План девочек оказался для южных жителей весьма незатейли-

вым, и уже через четверть часа сестрички пили настоящий узбекский чай в местной чайхане вприкуску с царскими жирными финиками. Тётя Зухра, жена местного владельца точки постоянно трепала девочек за щёчки и с любовью смотрела, как те уплетали только что принесённую им тандырную самсу.

– Вы не пугайте так больше маму и папу, – весело сказала она и положила в пакет ещё пару восточных пирожков. – Это я вам с собой дам. Угостите маму и папу.

За окном раздался раздосадованный крик. Это продавец, отпуская кому-то мандарины, задел огромную пирамиду на прилавке своим локтем, и вся огромная оранжевая куча россыпью разбежалась в разные стороны. Зрелище было завораживающее. Это так сильно впечатлило Марго, что та, разинув рот от удивления, прилипла к окну и не отзывалась.

– Гошка, ты чего? – сестра всегда так называла её, и теперь стояла рядом, тоже прилипнув к окну и рассматривая, как весёлая оранжевая река бежит по тротуару, путаясь под ногами прохожих.

Почему-то именно этот эпизод детства запомнился им так ярко, они часто вспоминали его. В тот день они пришли домой с большой сумкой восточных сладостей, выпечки и, конечно же, мандаринов. Родители не ругались, то, что они пережили, не могло позволить им даже с укором посмотреть в сторону детей.

– Я принесу... это были абхазские... я найду и принесу... – тихо прошептала на ухо Агате Марго. – Обязательно принесу...

Ваню стошнило. Невозможно было удержать в себе завтрак от увиденного.

Утренний звонок от Яра вырвал его из крепких объятий Морфея! Бегая по квартире в поисках своей одежды, молодой опер параллельно выслушал порицание по поводу его пропуска летучки. Было дико неудобно прижимать одним плечом телефон и при этом надевать брюки. Но не выслушай он сейчас Ярослава, к обеду могут уже быть проблемы.

Ах да, летучка!

Зачем она была нужна, он, в принципе, понимал. Летучка имела несколько функций. Одной из них была безопасность. Семьдесят процентов незамеченной нечисти до сих пор раскидано по плечам служащих тайных отделов. На летучке тайных отделов работники проверялись на наличие нечисти. Не прицепился ли к ним кто? Не подселился ли? Невозможно ежесекундно ходить в сумраке, невозможно использовать свой дар постоянно! Можно захлебнуться в чужих эмоциях, страданиях, устать от бесконечного потока чужих мыслей. Необходимо отключаться от того мира. И чтобы не пропустить подселенца, проводятся вот такие летучки, на которых начальство осматривает свой состав.

Завтрак – два ломтика хлеба да несколько кусочков колбасы – был моментально проглочен и запит отвратительным кофе. Но расстраиваться из-за этого молодой человек не стал по двум причинам. Во-первых, по дороге можно будет заскочить в кофейню и наконец то купить себе хороший латте и сэндвич, а во-вторых, он, чёрт побери, любил свою работу. Он, оказывается, вообще очень любил жить! Любил всё, что с ним теперь происходило. Его страшное прошлое стало действительно прошлым благодаря жизни, которую он сейчас проживал.

Однако существует такой закон, неизвестно кем написанный, но воспроизведённый самой жизнью: когда у тебя всё хорошо, жди плохих новостей. Ваня не ждал, но они пришли.

Человек, работающий в СИЗО, отправил ему весточку на WhatsApp.

Борис с утра будет передан инквизиции, и дело будет, по всей вероятности, закрыто. Его сочтут маньяком за переход в тёмные. И эта несправедливость, эта ошибочность выводила молодого человека из себя. Он был зол на весь белый свет.

– Убийца Антон Верников. Убитые: его супруга Валентина Верникова и дочь Анастасия Верникова, – голос дежурного, монотонный и сухой, вернул его в реальность. Ваня вдруг ощутил неимоверное желание съездить ему по роже.

Как можно быть таким равнодушным? Хотя, с другой стороны, можно ведь сойти с ума, принимая каждое убийство близко к сердцу.

Иван осмотрелся. Допрос и осмотр места преступления займут добрые часа три, а ему необходимо было попасть в СИЗО.

Ну, что поделать, придётся действовать по ситуации.

Верников, он же преступник, сидел на полу в прихожей. Голова с взъерошенными волосами, спутанными и липкими от крови, была опущена, на руки надеты наручники. Он обречённо смотрел в пол и как будто не понимал, что с ним произошло. Тяжело вздохнув, испытывая жалость к этому бедолаге, Ваня подошёл поближе. Было необходимо рассмотреть преступника как следует. Приезжая на такие вызовы, он выглядел обычным опером, а ему тем временем нужно было выполнить работу следователя тайного отдела!

Все дела, что касались их отдела, отображались на платформе, которую изобрёл всеми любимый Захар. Сигнал в андроиде тихо попискивал, сообщая своему хозяину, что дело передано в их ведомство. Ярослав Михайлович назначал следователя, и вот теперь Иван находился по указанному адресу.

Осмотревшись и не привлекая к себе внимания, Ваня присел на корточки рядом с Верниковым. Ох, и плохо же было бедолаге. Тело его то тряслось в диком ознобе, то вдруг пот крупными каплями орошал его шею и грудь. Покусанные в кровь губы шептали, как молитву:

– Я не хотел... он ...это всё он...

Смотреть на него не было сил, и Ваня вошёл в сумрак.

В сумраке вязко и темно. Тут всегда безрадостно. Каждый раз наблюдая отсюда за каким-нибудь подозреваемым объектом, Иван испытывал некую неловкость! Ведь если рассудить, не каждому может быть по нраву, что за ним наблюдают! Но природа наградила Ваню чувством такта, да и воспитание было неплохим, поэтому молодой человек всегда очень быстро рассматривал то, что ему было нужно, и уходил.

Антон оказался подленьким, маленьким, ничтожным человечком. Его душа была изношена, и оставалось ей совсем чуть-чуть. Такие души не восстанавливаются, они исчезают, либо уходят к тёмным! За определённую плату их забирает демон. Что потом, Ваня не знал, он был всего лишь на втором уровне. Возможно, это убийство и было платой за перерождение в сторону тьмы. Но тогда бы душа его не была такой слабой.

Ваня обошёл обвиняемого ещё раз, но так ничего больше и не нашёл.

Его кто-то окликнул, и, чертыхнувшись, Ваня вышел из сумрака.

– Привет, – послышался над сидящим на корточках Ваней знакомый, но неприятный ему голос.

Светло коричневые ботиночки были вычищены до блеска. Обувь дорогая и практичная. Ваня всегда хотел такие же. Песочного цвета брюки с отглаженной стрелочкой. До тошноты приличный вид. Подняв наконец то на собеседника глаза, опер натянуто улыбнулся. На него смотрел высокий, светло русый молодой человек. Глаза его были прозрачно-голубые, широкие и сверлящие. Они смотрели с неприязнью. Большой прямой нос вызывал к этому лицу ещё большую антипатию, но Ваня видел в нём всё-таки некую красоту, которую могли понять отнюдь не все.

Ничего, Ваня уже привык и к тому, что его не понимают, и к тому, что его недолюбливают! А этот человек его недолюбливал, что видно было по всем признакам. Однако показывать это не торопился.

Молодой человек протянул руку, и Ваня ответил на его приветствие крепким пожатием.

Это был Егор, опытный следак с их же отдела, но не тайного. Ваня всегда чувствовал себя не очень правильным по сравнению с этим парнем. Разница в возрасте у них была небольшой, но зато весовая категория отличалась в пользу Егора. Нужно было отдать должное этому парню: тело его было в отличной форме!

– Привет, – наконец ответил Ваня.

– Слушай, я вот опять не пойму, тебя зачем прислали? Ещё не успели выехать, как мне распоряжение пришло, что ты тоже в этом деле.

Дело Бориса начиналось так же. На первую мокруху они приехали оба. Дело поручили следователю – старшему лейтенанту Егору Окраинову, а Ване, как оперу, были поручены мелкие задания. И как же это мешало делу! Ему приходилось выполнять всю мелкую работу в реальности, где он был обычным опером, в то время как руки чесались заняться настоящим расследованием! Но он справлялся! Не было и не могло быть в тайном отделе чинов сродни простым операм, ибо дела у них раскрывались гораздо быстрее, и не было всей этой волокиты.

Однако для Егора Иван был словно кость в горле. Трогать его не разрешали и препятствовать его действиям тоже. Ярослав Михайлович разводил руками, мол, приказ свыше.

Егор пристально следил за работой коллеги, но кроме того, что тот мог минутами сидеть без движений перед преступником и молчать, ничего странного больше не замечал. Вскоре это Егору стало неинтересно, и как-то незаметно Иван исчез из его поля зрения. О нём пришлось забыть, работа опера очень напряжённая, и отвлекающих факторов полным-полно. Но вот сегодня Егор ощущал некое недовольство от невнимательности, которую раньше у себя не замечал. Внутри себя он искрение удивлялся, как он мог тогда позабыть о Ване? То дело ушло в висяк, однако сегодняшнее убийство снова их столкнуло, значит, дело новое.

– Это да... приказ есть приказ. И опять твой район! – не удержался Ваня, хотя понимал, что не стоит его злить. Но было уже поздно. В зелёных глазах Егора промелькнули чёртики, и он закусил удила.

– Ну да, ну да... слушай, а ты чё тогда слился-то? Твои поняли, что висяк, и решили слить мажора?

Ваня выдохнул и усмехнулся.

– Значит, висяк?

И это было в точку. Егор сдержал себя, чтобы не съездить по довольной роже хлюпика-мажора.

Теперь его кто-то позвал, и это помогло Ване слиться с толпой работающих на месте преступления.

Нужно было осмотреться и действовать дальше. Опросить не только убийцу, но и погибших.

В поисках укромного уголочка, где бы он мог войти в сумрак, Ваня обследовал всю квартиру. Обычная трёшка, в обычном спальном районе. Однако на этом обычность заканчивалась. Тут не было ни ремонта, ни уюта, ничего, за что мог бы зацепиться глаз. Отсутствие денег, отсутствие любви и уважения между членами этой семьи – всё это привело к трагедии. Проведя не одно расследование и побывав в разных домах, он, к сожалению, часто сталкивался с семьями, которых называют просто – неблагополучными! Он и сам, если честно, был из такой же.

Люди, не справляющиеся с адом внутри себя, как правило, тонут и тянут за собой тех, кто рядом с ними. И чаще всего рядом оказываются слабые по духу спутники, которые легко, ну или чуть-чуть сопротивляясь, всё же добровольно опускаются на социальное дно!

Так действуют лярвы, бесы низшего ранга и вся остальная нечисть. Эти тёмные очень цепкие! Они цепляются к душе, и уж поверьте, точно не отпустят. Обычно они побеждают.

Поступок Верникова был ужасен. Стараясь унять тошноту, Ваня пытался не замечать кровяные подтёки и алые лужи в комнатах, где были убиты жена и дочь.

Н-да, народу сегодня было очень много. Эксперты приехали со стажёрами, криминалисты аж с двух отделов. Участковый и ещё какой-то сержант. Все куда-то торопились, суетились, разговаривали. Разговоры переходили в шёпот, будто говорившие боялись, что погибшие их услышат.

Ваня поёжился от утренней прохлады и расстройства желудка. Не хотелось бы ему вот так вот неподвижно лежать в луже крови и слушать, как криминалисты обсуждают характер ран на уже остывающем теле. Какая-то нотка скорби, но не отчаянья охватила его разгорячённое сердце. Отчаянье он не испытывал, просто потому что знал, что каждый смертен, ровно так же, как и то, что каждый сам выбирает, как он умрёт. В большинстве случаев каждый.

И если разобраться в его философии, то, к огромному огорчению, придётся принять его версию.

– Человек состоит из того, что он ест и пьёт. Это, пожалуй, одна большая и глубокая правда!!! Тело, дарованное нам свыше, не что иное, как храм! Вручённый нам подарок мы должны беречь, относиться к нему с глубочайшим трепетом и уважением, и от того, в каком состоянии он находится, напрямую зависит время нашего пребывания в этой реальности!

Ваня дёрнулся и резко повернулся.

Агата. Девушка улыбнулась ему ультрамариновыми глазами, и Ваня ответил ей такой же открытой радостной улыбкой.

Молодые люди обнялись.

– Ты опять философствуешь и причём с самого утра! – Ваня нежно коснулся её плеча, кудрявый локон выбился из-под кепки, в которой была девушка, и ему вдруг захотелось дотронуться до её волос.

– Я просто опять прочитала твои мысли. В них всегда одна философия.

И она была права на все сто процентов! Именно об этом он и думал!

Ваня наигранно оглянулся и оголил ряд своих белых зубов.

– Как страшно иметь в друзьях экстрасенса-телепата. Теперь все будут думать, что свои дела я открываю при помощи тебя.

– Ох, если бы ты хоть раз согласился, чтобы я тебе помогла, то раскрываемость в вашем отделе была бы на высшем уровне!

Молодые люди уже спустились на пару пролётов вниз, и теперь Иван мог не сомневаться, что их никто не слышит.

– Ты чего тут? – в голосе опера слышались забота и некие нотки тревоги.

– Да вот, увидела ваших, решила дождаться тебя, – Агата поправила и слегка приспустила кепку. Лицо её теперь было сложно рассмотреть.

– А, подожди... ты же недалеко отсюда живёшь!

И действительно, многоэтажка девушки располагалась совсем недалеко от места преступления, всего в паре кварталов. Агата кивнула.

– Что?..– спросила она.

– Что? – переспросил Ваня, но уже знал, что придётся отвечать. Девушка каким-то невероятным способом чувствовала его.

– Ну говори же... что стряслось?

Не хотелось ныть, плакаться, как девчонка, о навалившихся проблемах, но Агата уже не отстанет.

– Бориса сегодня забирают из СИЗО. И я вот всё думаю о том, почему же никто так и не заметил Харя? И ведь я-то не сразу его заметил.

Харь была скользкой и совершенно неприятной сущностью. Заметить их было не всегда легко. Любую сущность, в принципе, заметить удаётся не всегда и не всем.

– Мне становится тошно, Агат, не по себе, как только я подумаю о том, что может решить суд, и приговор будет неверным, и в первую очередь из-за меня. Человек по ошибке может получить наказание вместо помощи!

Агата внимательно слушала. Её тонкие красивые брови сошлись на переносице, и она усмехнулась.

– Прекрати... Не вини себя. Такие, например, как я, обычные экстрасенсы, вообще не могут их увидеть. Только почувствовать, думать и гадать, что это и кто это, у вас хотя бы виденье есть. И то, видишь, ошибиться можете. Не об этом сейчас нужно думать, тебе нужно быть в СИЗО, когда инквизиторы будут там.

– И что я им скажу? Типа, остановитесь и послушайте... вы ошиблись... вы не правы? – издевательский тон Вани нисколько не задел Агату.

– Да, Вань… представь себе... нужно им донести, что это не Борис виноват, а харь...

Ваня посмотрел на девушку и задумался.

– Чёрт его знает… может, ты и права. Но на них даже смотреть нельзя, не то что подходить! – Ваня попытался припомнить хоть один случай, когда к инквизиторам кто-то попытался подойти! Нет, такого он не знал. Эти великие атланты, а они действительно выглядели как красивые обитатели Атлантиды, были настолько неприкосновенны и отчуждены от этой реальности, что всем делюминам был запрещён любой контакт с ними. Даже смотреть на них не разрешалось, поэтому все делюмины и декалиты склонялись в поклоне, едва инквизиторы появлялись на горизонте.

– Конечно я права, – Агата опять улыбнулась своей доброй и мягкой улыбкой, и Ваня почувствовал уверенность в себе.

«А ведь она права, чёрт побери! Почему я должен молчать? Почему человек должен получить наказание из-за того, что система может дать сбой?»

– Ну, а у тебя как? – поинтересовался Ваня.

– Да что-то тревожит меня одно дело...

– О как... колись! – оживился Ваня, и это было его самым любимым моментом. Все её тревоги, как правило, оказывались бомбическими уроками жизни! Агата, практикующий медиум, экстрасенс, проводила просто нереальные сеансы, на которых души мёртвых могли общаться с живыми родственниками. Эта маленькая хрупкая девушка могла спокойно запечатать демона в книге ведьмы или увести за собой лярву или саламандру. Вот только видела она, впрочем, как и все её сородичи, не так ясно, как избранные и одарённые. Если Ваня получал конкретную информацию из астрала, то Агате приходилось складывать пазлы в одну картинку, толковать свои видения, и иногда могло выйти не совсем то, что было нужно.

Но если она говорила, что есть какая то проблема, то это значило только одно – проблема действительно была.

– Вчера общалась с девушкой, работала в органах, была жизнерадостной и общительной, но за полгода резко изменилась, стала нелюдимой, скандальной. Родственники не обращали особого внимания, так как работа могла повлиять на её состояние и тому подобное, – на доброжелательном личике девушки повисла печаль, и Ване даже показалось, что она вот-вот расплачется.

– Ну? – не выдержал он.

– Самоубийство, – Агата опустила голову. Ваня не стал её трогать и выдержал небольшую паузу, давая ей возможность справиться с подступившими слезами.

– Я видела след этого беса. Очень нехороший. Его скинули, девушка подобрала, и он подселился, управлял ею. Свёл в могилу. Мне бы добраться до чародея, который так недобросовестно скинул подселенца. Он даже сам не понял, что имел дело с бесом, думал, там мелочь всякая, харь или лярва. Понимаешь, до какого уровня этот маг непрофессионален!

Беспокойство было в тему, так как в кругах медиумов, магов и экстрасенсов было само собой разумеющимся подселять: одним бесов, другим лярв, третьим ещё кого-то. Так чёрные могли скинуть весь свой негатив на абсолютно ничего не подозревающего человека. Вопрос был лишь в том, кому принадлежал этот подселенец и каким образом, добросовестным или нет, хозяин выполнил свою работу. Специально ли он наградил неповинного человека негативом или же это была роковая случайность?

Тут было, как у медиков. Доказать вину врача очень трудно! Коллега коллегу не выдаст и найдёт тысячу вариантов оправдать его непрофессиональную работу. Но у Агаты был козырь. Она видела, пусть и мельком, лицо мага.

– Непонятно, как мне искать, но я найду. Мне было видение, она что-то подобрала у церкви...

– Тогда что ж, получается, сможешь найти.

– По подкладу легко, ты же знаешь, он у каждого свой. Мне бы только понять, специально это всё или нет. Мне нужно, чтобы ты его проверил. Ок?

– Ок...

– Давай, поезжай туда и позвони мне потом! – Агата чмокнула Ваню в щёчку и направилась к выходу.

– Этот чё... не отстаёт от тебя? – Агата приподняла кепку, чтобы лучше разглядеть друга, и кивнула вверх, туда, где находилась следственная команда. Ваня понял, конечно же, про кого она говорит. Окраинов.

– Неа... никак не угомонится, чертяга.

– Ну, это хорошо, мой дорогой... если ты кого-то так выбешиваешь, значит, ты очень хороший человек!

Ваня засмеялся.

– Ты, как всегда, права.

Девушка послала ему воздушный поцелуй и вприпрыжку спустилась вниз. Ваня ещё секунду смотрел ей вслед и, как-то устало вздохнув, поднялся на один пролёт, туда, где кипела оперативная работа.

Вдруг взгляд его зацепил на полу в коридоре небольшой клочок шерсти. Это озадачило его и вывело из философской тяжбы, которую он затеял с самим собой. Быстро нагнувшись, он схватил улику и спрятал в карман. Никто ничего не заметил. Даже Егор забыл про него на время. Улучив момент, он вытащил из кармана клок шерсти и рассмотрел его.

Присвистнув, Ваня привлёк-таки к себе внимание. Один из оперативников, что стоял неподалёку, вопросительно посмотрел на него, Ваня показал рукой, что всё в порядке.

Шерсть принадлежала собаке. Но собака эта была не обычная. Едва шерсть оказалась в руках опера, он почувствовал неимоверную усталость. Голова тяжёлым камнем еле держалась на плечах, веки сухие и грузные всё время опускались. Дышать становилось неимоверно тяжело. Существо, которое было представлено этим животным, имело возраст тысячу лет, а может быть, и больше! Ваня знал это, как и то, что земля имеет форму шара.

Голова его пошла кругом, и он трясущимися руками ухватился за стены. Наваждение маленькими эпизодическими картинками крутилось у него в голове.

Огромный каменный зал египетского фараона. Свечи танцевали в тихом плавном танце, слегка потрескивая. Их мягкий и завораживающий свет освещал только центр величественной залы, и Ваня увидел, но лишь на мгновение, фараона и вдруг снова перенёсся в наше время.

Собака, ухоженный лабрадор мягкого песочного окраса, с нежностью и любовью лижет руку хозяйки. Трон её стоит на песчаном берегу. Ночной ветерок ласкает бархатистую смуглую кожу. Однако лица госпожи не видно. Где-то совсем близко слышится звонкий всплеск волн. Огромная тёмная река, кишащая мелкими пираньями и другими хищниками, бурила под ночным небом. Ужас и паника накрывали от одного только взгляда на эти воды, берегов не было видно, но Ваня знал, что река эта огромная и бездонная. Она убивала любого, кто к ней приближался, и переплыть её могли лишь мёртвые души.

Стикс.

Его выбросило из видений, и он сильно пошатнулся, удержавшись одной рукой о стену.

Всё тот же опер, что находился неподалёку, предложил помощь, но Ваня отказался. Списал всё на усталость.

Тут находилось слишком много народу, и Ваня решил нырнуть в сумрак. Там он спокойно рассмотрит клок, что ожил в его руке, и немного передохнёт.

Шерсть переливалась даже в слабом освещении сумрака, но самое главное – она пахла смертью! Эта псина была нехорошим знаком.

Она была сродни касте намного выше бесов! Запах смерти стал сильнее, духота теперь ощущалась куда острее. Ваня даже осмотрелся, словно пламя огня находилось где-то совсем близко. Шерсть, что была в его руке, неприятно щекотала ладонь, она, словно живая, то приминалась, то распушалась и увеличивалась в размере. Ване стало не по себе. Вдруг сумрак завибрировал. Такое случалось, но крайне редко. Однажды в сумрак, где он работал, вошёл то ли маг, то ли чародей, который работал по соседству. Тогда сумрак тоже изрядно потрясло, пространству было тяжело вытянуть две разных энергии и соединить в себе две противоположные стороны. Маг или чародей оказался тёмным, и то, что они соприкоснулись в одной точке, вывело сумрак на волнение. Тогда всё обошлось, да ничего страшного, по сути, и не могло произойти. Просто кого-нибудь из них двоих выбросило бы в реальность, и всё.

Сейчас трясло по-другому.

Светлых, кроме него, тут больше не было. Пока раздумья лезли в голову опера, сумрак раздражённо трясло, весь этот сумрачный мир переворачивало и колебало. Такого не было никогда. Еле удерживаясь на ногах, Ваня опёрся о стену, и когда точка опоры была найдена, принялся осматривать сумрак. Запоминая всё в деталях, он сможет потом доложить Захару.

Совсем недалеко от Вани, в дребезжавшем пространстве, начали проявляться сначала неясные, а потом более отчётливые черты огромного зверя. Зверь этот был уже знаком Ване по клочку шерсти на его ладони.

Огромное мускулистое тело зверя, совсем не подходившее по размерам для собаки, всё же соответствовало ей по облику. По мере проявления черт домашнего животного сумрак прекращал вибрировать и превращался в старый добрый мир, в котором Ваня чувствовал себя привычно и хорошо. Окрас зверя имел золотисто-коричневый оттенок, уши стояли торчком, величественная шея с достоинством держала голову. По всем признакам перед Ваней стоял огромный доберман. Та порода, которая у многих вызывала восхищение, и Ваня тоже считал эту породу одной из самых величественных.

Тем временем доберман грациозно восседал на полу, и взгляд его не отрывался от Вани. Казалось, зверь изучал его, слушал, что тот думает, чего боится. Шерсть на ладони теперь превратилась в блестящий ухоженный клок, который переливался и приятно щекотал ладонь.

Ваня пошевелился, рука затекла, и он убрал её со стены. Грозный и злой рык разрезал тишину сумрака.

– Тише, тише, тише… – замер Иван, не понимая, как теперь поступить. Нет, он, конечно, мог выйти из сумрака, но тогда приход этого зверя будет от него скрыт, а души так и останутся не допрошены. Конечно, он мог их допросить и в следующий раз, но он привык работать по горячим следам. Очень часто после убийства души, которые испытывают невероятный шок, могут вспомнить такие детали, которые враз продвинут дело. К сожалению, часть земной жизни быстро забывается, и души могут вообще через короткий промежуток времени забыть о многом. А ещё не стоит забывать, что, выходя из сумрака, можно прихватить с собой всё, что угодно. Зверь этот был неизвестным явлением для опера, Ваня умел выходить, не зацепив с собой ничего, но собака, тем более такая, была с ним рядом в первый раз. Лучше не рисковать.

– Чего тебе? – тихо спросил Ваня. Собака наклонила голову вправо, любознательно рассматривая Ваню. Она и не думала его отпускать. Весь её грозный вид говорил об одном: тронься с места и пожалеешь об этом.

И вдруг Ваню осенило! Этот зверь стоял на защите! Он был против допроса, пока он был тут, Ваня никак не мог добраться до душ погибших!

Это означало только одно: сегодня допроса не будет.

Нужно было уходить. Делать тут больше было нечего.

Такси окончательно и бесповоротно уносило опера этой реальности в сторону СИЗО. Ушёл он, конечно, быстро, не проявив никаких своих навыков! Это выглядело даже дерзко. Покинуть самовольно место преступления! Скорее всего, Егор уже строчит докладную Ярославу. Но по-другому Ваня не мог.

Агата была права, и ему следует ехать в СИЗО.

Шальные и глупые думы убаюкивала единственная правильная и светлая мысль: скорее всего, к тому моменту, как он доберётся до СИЗО, вопрос уже решится. Инквизиторы заметят Харя на Борисе! Затем последует изменение вердикта о принадлежности Бориса к тёмным, и наказание будет изменено. Ну конечно, так и будет! Это же не земной суд, тут не может быть ни ошибки, ни оговора!

За окном город проживал суетную жизнь. Здания пробегали мимо, быстро и суетливо показывая ему свои наряды. Некоторые, пожившие на этом свете, примеряли новомодные фонари, другие были укутаны в вывески и рекламу. Но больше всего завораживала Ваню мысль о том, что у каждого из этих домов есть своя история и жизнь. Было ещё одно занятие, достойное копилки любимых дел: он безумно любил заглядывать в окна. Всегда, когда предоставлялась возможность, он заглядывал в чужую жизнь. Его не интересовали люди! Ему хотелось рассмотреть стены, мебель, вещи. Бурная фантазия непременно рисовала уют и тепло. Именно таким качеством и должен обладать каждый дом. Ну, так по крайней мере думалось Ивану.

Проспекты и улицы закрутили его в вихре мыслей и мечтаний, и Ваня даже не заметил, как уже совсем рядом показалось серое и скучное здание СИЗО. Постройки такого типа всегда вызывали у него грусть и меланхолию. Обшарпанное здание, обнесённое высоким забором с колючкой, стремительно приближалось. Тут не хотелось заглядывать в окна. Не хотелось думать ни об уюте, ни о красоте.

Расплатившись с таксистом, Иван ещё раз осмотрел серого великана, нависшего над ним. Встрепенувшись от пронзительного неуютного озноба, который вдруг овладел худым телом, он бодрым шагом, преодолевая несколько ступенек, впорхнул в СИЗО.

Едва за ним закрылась дверь, как тишина и серость обрушились на него, даже не дав опомниться. Звенящая и тяжёлая тишина, нависшая над этим местом, сковывала и отдавала холодом и страхом. Как будто должно было что-то случиться прямо здесь и прямо сейчас.

И вдруг Ивана осенило. Инквизиторы!

Мир застыл, всё вокруг замерло в ожидании судейского дуэта! Так приходили и уходили инквизиторы.

Ивану уже случалось встречаться с верхними – так их тоже называли. Дела велись разные, и порой суд инквизиторов нужен был здесь и сейчас. К тому же они довольно часто прибывали за заключёнными и уводили их туда, где совершали над ними суд.

В такие минуты для земных персон время просто останавливалось, они, словно поставленные на паузу, даже и не помнили о том, что с ними приключилось. Для Вани и других иных это время тянулось, как нуга. Вообще, время существовало только для таких миров, как этот. То, куда уходят души после распределения в астрале, было лишено этого понятия!

Ваня выдохнул и заметил, как большая жирная муха пролетела мимо нерасторопно и деловито, весь мир притормаживал, и жизнь, словно медовая струйка, медленно вливалась в вечность.

Застывшие персоны реальности, обычные люди, чтобы не отвлекать аукторитов, приобретали некую прозрачность. Для новичков-иных они, возможно, и были, как бельмо на глазу, но со временем и они привыкали.

Ваня оглядел длинный коридор, делюмины замерли в позе поклона, что говорило о скором прибытии верхних.

Вот это он удачно зашёл. Вскоре по толпе аукторитов прошёлся ропот, а в длинном проходе послышались гулкие шаги.

Два огромных близнеца-аполлона появились в самом начале узкого коридора. Заслоняя собой искусственный свет от ламп, они казались ещё могущественней.

Мелкая дрожь, та самая, которая появляется при приближении чего-то величественного, прошлась мелкой волной по худощавому телу следака. Опуская голову, Ваня зацепил взглядом инквизиторов и их вполне земную и к тому же не лишённую вкуса одежду. Синие твидовые костюмы, черные, натёртые до блеска мокасины.

Ваня улыбнулся.

Для многих делюминов это были существа сродни богам!

Они не ошибались, они всегда были правы, они появлялись всегда в нужное время, забирали подсудимых и уводили творить своё правосудие!

И вдруг в самый последний момент Ваня заметил маленькую сжавшуюся фигурку.

Борис!

Борис, как и все обвиняемые, шедшие рядом с инквизиторами, находился под мороком. Таков был закон. Состояние это было куда лучше истерики, ярости, паники и бог весть ещё каких эмоций, которые испытывали люди, шедшие на суд.

Ваня замер. Его взгляд из-под полуопущенной головы теперь заботливо осматривал подсудимого. Весьма крупный и представительный Борис казался теперь совершенно маленьким и невзрачным человечком. Но не его состояние беспокоило Ивана, а то, что находилось у него на шее. Собственно, Ване только это и нужно было. Увидев Харя, Иван выдохнул с облегчением.

Харь стал ещё больше, и теперь его жирные лапки вплотную облепляли шею бедолаги. Это вызвало улыбку на лице Вани. Нет, он ни в коем случае не радовался подселенцу. Ваня радовался, что тот не успел подтолкнуть своего хозяина на самоубийство или на ещё какую-нибудь пакость. Забыв о поклоне в победоносном экстазе, молодой человек качнул головой и гордо выпрямился. Это не могло ускользнуть от величественного взгляда инквизиторов.

Верхние, которые уже авантажно прошли половину пути, вдруг оказались аккурат подле Ивана. Странная штука – время! Протекая, как нуга, медленно и неторопливо, оно неукротимо побежало вперёд, едва Иван нарушил закон, оступился.

Близнецы остановились, и один из аполлонов развернулся, словно робот, всем корпусом к Ивану.

Ваня почувствовал, что умирает. Взгляд, что на него направил инквизитор, впустил в Ивана пустоту и вечность. Тяжесть и необычайная лёгкость, радость и горькая печаль переплелись с сотнями других чувств внутри души Ивана. Он вдруг почувствовал себя ничтожно малым, песчинкой в пустыне. И в то же время душу распирало от значимости именно его для всей вселенной. Ваня не знал точно, но, по его мнению, умирающий чувствует именно то же самое, что сейчас испытывал он. Жизнь остановилась для него, и существовал только этот один-единственный миг, в котором он смотрел в глаза инквизиторам. Все было сейчас неважно, только эти глаза, только этот миг!

– Говори! – прогремел голос, и содрогнулись стены.

Аукториты, застывшие в поклоне, теперь застыли ещё и от ужаса! Такое себе мало кто мог позволить.

– Этот бедняга не простой маньяк… он не просто хотел перейти на сторону декалитов… он с подселенцем, – говорить было тяжело, Иван запинался. Мысли вереницей кружились в голове. Но Иван сумел взять себя в руки, отсеял ненужное, преодолевая невыносимую боль в голове, и продолжил.

– Его дар не был замечен ни им самим, ни кем-то другим… он не мог бороться… он просто не знал, что с ним! – в голове пульсировало.

Иван смотрел прямо, не отводя взгляда. Он впервые в жизни смотрел так открыто в лицо верхнему.

Это было красивое, по-настоящему самое красивое лицо, которое когда-либо видел Ваня.

Широкий лоб, высокие скулы, мужественный подбородок, миндалевидные, необычайно красивого небесно-голубого цвета глаза. Кожа была идеально чистая и эластичная, но кое-где всё же мелкие прерывистые морщинки взбороздили это идеальное лицо неровными линиями.

Брови, не слишком густые, сошлись на переносице инквизитора. А в глазах, в двух огромных безмерных вселенных, сверлящих Ивана насквозь, улавливалась лёгкая ирония.

С секунду аполлон размышлял, потом повернулся к своему брату-близнецу.

Они не проронили ни слова друг другу, но между ними шёл диалог. Это было необычно, фантастически красиво. Спустя пару секунд он развернулся обратно к Ивану. Взгляд его был всё такой же ироничный, но добавились нотки недовольства.

– Ты полагаешь, что мы ошиблись? – голос был всё такой же громкий и проницательный. Ваня почувствовал, как внутренности его прижались к позвоночнику.

– Я полагаю, что вы не рассмотрели Харя... не успели, – всё, что Ваня мог сделать, это гордо поднять голову.

Инквизиторы переглянулись, посмотрели на Бориса, который продолжал находиться под мороком, и взглянули ещё раз на Ивана. Нельзя было ничего прочесть по их взглядам, нельзя было понять, о чём они думают.

Аполлоны двинулись вперед. Борис оказался со стороны Ивана, и теперь-то уж Ваня в полной мере рассмотрел подсудимого. Он прошёл, слегка задев Ивана рукавом.

Бледность лица Бориса, его отчуждённость, всё это вселило некое уныние и тоску в сердце худощавого молодого человека.

Следак выдохнул, плечи и голова его опустились, словно он сдулся. Силы его покинули, и он безвольной куклой упал на каменный пол.

ГЛАВА 4

Совершенно не выспавшийся, опухший, хотя и не пил в эту ночь, Костя, словно тень, просочился в свой кабинет.

Юнона Игнатьевна, старший бухгалтер и человек, от которого ничего невозможно было утаить, то и дело с порицанием смотрела на кабинет Храбина. Эта старая дева, одетая всегда в одно и тоже – строгий серый пиджак и юбку, длинную плотную и ужасно глупую, – была весьма чопорна. Невозможно было вести себя при ней именно так, как сегодня утром позволил себе Константин. Пройти мимо и не поздороваться! Он понимал, что теперь весь день он будет на «прицеле» у Юноны Игнатьевны.

В полдень, когда он уже пришёл в себя и почти успокоился, мимо кабинета прошла Калинина. Обычный рекламный агент, занималась продукцией для животных, и была совершенно незаметна для этого мира. Костя поджал губы: кем она приходится боссу? Для чего он её держал? Талантов было ноль. Он уже готов был отвести взгляд от проходящей по коридору девушки, как вдруг яркий зелёный цвет мелькнул позади неё. Это заставило его подпрыгнуть и тихо застонать. Он уже и забыл, что и в офисе есть те, на кого распространяются его галлюцинации. Калинина и Барсуков.

Зелёные, яркие, с отливом ленты колыхались, в воздухе словно пушинка.

Храбин шумно выдохнул.

«Почему именно сейчас?» – пронеслось в его голове.

Всего два человека в офисе имели этот странный недуг.

Ему вспомнилось, как однажды он пригласил Калинину к себе в кабинет. Допрос шёл добрых два часа. Проводя анализ своих галлюцинаций, он хотел уточнить качество жизни и привычки его собеседника.

Но нет! Ничего необычного не было в жизни этой девушки.

На следующий день его кабинет посетил и Барсуков.

Этот щекастый рыжеволосый юноша прошёл все этапы допроса, как и его коллега. Смущённый и напуганный он рассказывал обо всём, и даже о том, о чём его Костя не спрашивал. Он даже проболтался Храбину, что купил оценку на пятом курсе универа.

Калинина после этого не выходила даже в столовую, Барсуков уволился.

Но что-то же должно было быть активатором этих лент! Что-то же произошло для того, чтобы они появились!

Ярость и гнев огромной лавиной обрушились на затуманенную голову Кости. Приступ гнева захлестнул его с таким порывом, что мозг уже перестал соображать! Он резко вскочил и вылетел из кабинета, догнал Калинину и принялся хватать её за невидимую для всех ленту. Она не имела материальности, и поэтому он просто касался поясницы девушки, пыхтел и резко дёргал руками. Калинина замерла на месте, офис замолчал, не было слышно даже принтеров. Яростный рык Храбина разлетался по коридорам офиса. Кто-то даже привстал на своем рабочем месте. Юнона Игнатьевна, проходившая в этот момент в архив, приспустила на переносицу очки. Калинина в ужасе закрыла лицо ладонями и разрыдалась. Храбин не унимался.

– Кто ты... зачем тебе они? – кричал он. – Сними их... не нервируй меня... ну сколько можно… зачем ты их носишь!!! Кто тебя просит их надевать!

Он вертел Калинину в разные стороны, ленты, видимые только ему, скользили в его руках, будто играя с ним. Он так и не поймал ни одну! Раскрасневшийся, с растрёпанными волосами, в расстёгнутой рубашке, без трёх верхних пуговиц, которые он сорвал, сам не заметив этого, он, наконец, застыл, сгорбился и устало опёрся на свои колени. Только тут он заметил, что Калинина рыдает, а весь офис глазеет на него в полной тишине.

Наконец, Юнона Игнатьевна отошла от оцепенения и громко произнесла:

– Ну знаете… это уже слишком...

Но тут ниоткуда появился Саша и, подхватив Костю за локоть, потащил его в кабинет. На ходу он, весело смеясь, обратился к офису.

– О, вот это он и разыграл!!! Молодец, Костя... это он готовится к новому проекту… всем спасибо… всем пока...

Как только они оказались в кабинете, Саша закрыл жалюзи и повернулся к Косте, который сидел за столом и тупо смотрел в одну точку.

– Ты совсем больной, да? Ты чего творишь? Ты теперь на людей кидаться будешь, да?

Костя потёр виски. Он и сам не знал, что с ним произошло. Он понимал, что натворил, но не мог дать оправдания своему поступку.

– Может, тебя в клетке держать? Ты чего бросился на неё, дебил?

Костя смотрел на друга и раздумывал, говорить ему или нет.

– Ну? – Саша ждал ответа.

– У неё лента была... сзади... – Костя запустил пальцы в волосы и нервно выдохнул.

– Ты совсем, что ли?

В интонации Александра промелькнул страх. Он был чертовски испуган за своего друга.

– Коста... это всё, мой дорогой. Это предел... дальше только с пушкой на проспект и расстреливать прохожих...

Костя затравленно на него посмотрел.

– Что, идею подкинул тебе? – усмехнулся Саша. – Нет, брат... правда, нужно что-то делать... так нельзя... ты совсем потерялся...

Саша принялся расхаживать по кабинету и вдруг застыл. Он уставился на друга и вдруг подлетел к нему:

– А ну... давай собирайся... поехали...

– Куда? – не понял Костя.

– На фабрику тканей, – усмехнулся тот. – Может, в тебе модельер проснулся. Ленты ему видятся... – приговаривал он, поспешно подталкивая друга к выходу.

Ночь опустилась на город, покрывая своим тёмно-синим одеялом всё вокруг. Холодильник тихо дребезжал, и Костя был ему безмерно благодарен за это. Ветка за окном, сухая и неказистая, царапала стекло Костиного окна, но и ей он был признателен. Хоть что-то говорило о том, что он ещё жив, он ещё может слышать и видеть.

Поход к психологу был полным провалом. Костя лежал на диване и отрешённо смотрел в потолок. При воспоминании о сегодняшнем походе он робко повернулся на бок и шумно выдохнул.

Ох, и намучился с ним Саша! Прямо из кабинета он потащил его в какую-то клинику. Очень долго договаривался, ругался и требовал приёма.

Психолог мучила Костю почти час. Она постоянно задавала какие-то глупые, по его мнению, вопросы. Показывала картинки, просила что-то написать. Храбин чувствовал себя старшеклассником в кабинете у школьного мозгоправа. Когда ты понимаешь, что ты не такой как все, и тётенька в белом халате, вся ухоженная, с умным видом и в очках пытается разговаривать с тобой, как с маленьким нашкодившим ребёнком, вставляя постоянно фразы типа «Это нормально», «Я Вас понимаю», «Я тоже такое испытываю» и т. д.

Закончилось всё банально. Костя вспылил, даже и не подумав рассказать о своих тайнах совершенно непрофессиональному психологу. Этот неудачный выбор друга ещё дальше оттолкнул Костю от мысли медицинского вмешательства.

Теперь вопрос о его лечении закрыт. Он должен был справляться сам.

ГЛАВА 5

В ту роковую для него ночь всё было по-другому. Время шло слишком медленно. Ночь душила своей темнотой, и было бесконечно душно.

Давно уже наступила полночь.

В больничном коридоре, холодном и пустом, гуляли сквозняки, и тревога с отзвуком от кафельного пола тоской окутывала душу. Кто придумал использовать светлые тона в этом месте? Да, конечно, всем известно об ассоциациях светлых тонов с чистотой и профессионализмом, но что делать с тем беспокойством, которое бешеным ритмом отбивает чечётку в грудной клетке того, кто сидит в этом предбаннике смерти?

Врачи, эти напыщенные индюки с лицами, знающими мир вдоль и поперёк, словно священнослужители, проходят в святая святых – Алтарь. Оперблок – то место, куда допускались только избранные.

Люминесцентные лампы потрескивали под потолком и мигали, словно в фильме ужасов, освещая некоторые фрагменты коридора.

Ещё одним издевательством, насмешкой над чувствами ожидающих были часы, висевшие аккурат над ярко-зелёной надписью: «Оперблок. Посторонним вход воспрещён», а чуть ниже: «Тише, идёт операция».

В дрожащих руках Храбина тлела сигарета, наверное, восьмая за четверть часа. Брошь – пастуший рожок так же покоилась в его руках. Когда её привезли, она держала эту брошь в руках. В самый страшный момент своей жизни она держала в руках его подарок!

Косте позвонили с места трагедии. Всё было сумбурно и непонятно: то ли священник сбил Ольгу на своём автомобиле, то ли она сама бросилась ему под колёса!

Он позже разберётся со всем этим. Сейчас важно было другое.

Саша мерил коридор огромными шагами, и накинутый на плечи халат, взятый у кого-то наспех, развевался от быстрых шагов. Он невероятно переживал. Равняясь каждый раз с Константином после очередного забега по коридору, он бросал на него быстрый взгляд. Костя никак не реагировал, и тогда его друг продолжал свою поспешную эстафету. Наконец, Александр не выдержал такого безразличия со стороны Кости и, поравнявшись в очередной раз с Храбиным, решительно нагнулся к нему.

– Ты… теряешь её!!!

Это был шёпот отчаянья. Он смотрел в глаза другу, и слёзы крупными каплями упали с его ресниц.

Костя попытался выдержать этот взгляд, но не справился с атакой и, закрыв глаза, заплакал.

– Я… не знал... я ничего не знал! – шептал он, умываясь слезами.

Александр с отвращением смотрел на друга, но не выпрямился. Он так и остался нависать над Храбиным и с каким-то упоением наблюдал, как тот терзается в муках.

– Да где уж тебе, да? – голос его, ледяной и отрешённый, хлопьями ложился на дрожащего друга. – Знаешь, Храбин, я уважал тебя, ты мой единственный друг… но… то…, то, что ты делаешь с Ольгой… – эмоции зашкаливали, и Александр не справлялся. Он мотал головой, отрицая где-то у себя в голове страшные мысли.

Пустой коридор дышал мучительной тишиной. Люминесцентные лампы продолжали свои споры. Они трещали и шипели, в такт отчеканивали ритм мыслей Кости.

Смерть… смерть… смерть.

Храбин молчал. Казалось, молчал и весь мир. Он и только он совершил что-то страшное. Храбин превратил жизнь молодой жены, красивой, умной женщины в полный кошмар. Костя не оправдывал себя, он чувствовал, что запутался, заигрался.

А она всегда молчала.

Изредка выпросив у него минуту для разговора или какого-нибудь события, она, казалось, была довольна и этим. Ольга не была покорной молчащей женой… она была умной, давая ему возможность решать всё самому.

Вот он и решил. Он забыл про неё, забыл про клятвы, данные им при бракосочетании, забыл про верность и про совесть, которая теперь его мучила и раздувала в душе адское пламя скорби.

– Я не смог остановиться… – слёзы текли по щекам. Он не мог больше сдерживать свою тоску и страх, он непрерывно шептал только одно: – Я не мог остановиться... не мог... не мог...

– Ты не мог не понимать, что ей больно… – в два шага Саша опять оказался возле него. – Она страдал, Коста… Очень… ей нужен был только ты, так мало для неё и так много для тебя. Но ты вечно куда-то спешишь, – Саша уже не шептал, его голос заполнял больничный коридор. – Тебе никогда не хватало времени ни на неё, ни на друзей. Твою Свету, – теперь он уже почти кричал, вена на его шее вздулась, а полные ярости глаза искали взгляд Кости. – Которую никто терпеть не может, ты поставил на первое место…

Руки Саши сжались в кулаки.

– Но ты забываешь, твою мать, твоя долбаная работа, карьера, всё это – заслуга Ольги! Она выносила в тебе того удачливого мудака, который сейчас передо мной.

Их взгляды, наконец, встретились. Никто из них не опустил глаза.

– Что? – откликнулся Костя после полминуты молчания. – Да, я мудак... и что теперь? Что ты хочешь теперь от меня? – проорал он.

– Да пошёл ты... – Саша ударил кулаком о стену и ринулся в другой конец коридора, подавляя в себе желание съездить другу по роже.

Храбин остался сидеть. Слёзы текли из глаз, и вдруг его пробил озноб. Он осознал, что может остаться один… вдруг так живо и правдоподобно ощутил ледяной мороз, холодок…

Её жизнь закончилась в 23:43.

Ваня щёлкнул выключателем. Настольная лампа ярко вспыхнула. Щёлкнул ещё раз – потухла. Голова трещала и разламывалась пополам.

Проблема была серьёзной. Он позволил себе поговорить с инквизитором, и не просто поговорить, а прилюдно усомниться в их справедливости.

Это может дурно для него закончиться. Яр наверняка в бешенстве.

После ухода инквизиторов опустошённого, лишённого чувств Ваню доставили домой. Сам он, конечно, помнил лишь половину и, очнувшись всего пару часов назад, принялся активно размышлять. Положение его было неустойчивым. Но до утра еще долго, а это значило, что было время выстроить линию хорошей защиты.

Итак, завтра ему придётся, во-первых, отчитаться за отсутствие допроса убиенных и, во-вторых, за его разговор с инквизитором.

С убиенными дело простое, провести с ними допрос можно и сегодня, а вот что делать с инквизиторами? Как узнать, что стало с Борисом? Какой вынесли приговор маньяку? Это, конечно же, узнается со временем, но как теперь верить правосудию сумрака?

Лампа медленно моргала. Щелчок выключателя – и свет не щедро, но окутывал комнату тёплым слабым свечением, щелчок – и темнота полностью поглощала всё вокруг. Это было что-то из его прошлой жизни. Тогда, когда было холодно и страшно, тогда, когда не было ни просвета, ни радости.

Ваня опустил взгляд на стол и тяжело вздохнул. На столе в полупустой кухне, обшарпанной и грязной, лежало дело, которое должно было оттянуть его отпуск на неопределённый срок. Проблемы проблемами, но про отпуск он, конечно же, не забывал.

Лампа загорелась. Почти так же, как свет мягко и решительно завладел кухонькой, так и воспоминания нагло вывалились из треклятой памяти для того, чтобы он сейчас же занялся ими. Он не хотел. Но память его считала иначе.

Он не помнил радости в своём доме. Родители его были уже в преклонном возрасте, когда у них появился сын. Ваня не знал точно, но догадывался о том, что каждый из его родителей за спиной уже имел по браку. Рос Ваня в спокойной и размеренной обстановке. Тот случай, когда родители приближаются к старости, а подходящий к «отметке подростка» сын начинает понимать, что мир, который ему показывали из окна, устроен совершенно по-другому.

Для сверстников он оказался слишком скучным, друзей завести не удалось, и он начал искать. Искать то, что помогло бы ему понять и принять этот мир. Математика стала для Ивана единственным способом рассчитать, разложить на формулы и хоть как-то понять эту вселенную.

В горле пересохло. Так было всегда, когда Ваня вспоминал о родителях. На этой кухне, где когда-то готовила мама, Иван любил эту лампу, что теперь послушно загоралась и тухла от его незатейливой игры с выключателем.

Так уж получилось, что то место, которое он называл домом, не обладало притягательным уютом, о котором Ваня только слышал и читал.

Родители пили. Стабильно, иногда поочерёдно, иногда вместе. Отец был капитаном полиции, мама – хирург на пенсии, и от этого застолья в их доме всегда перетекали в споры, которые перерастали в ссору. Кто знает, может, это всё было от неудавшейся жизни, может, слишком поздно они завели ребёнка. Возможно, эти двое ждали чуть-чуть другого от этого брака. Ваня не знал. Но он, чёрт побери, всегда винил именно себя в том, что с ними произошло.

Ваня шумно выдохнул, притупив приступ тошноты, и налил полный стакан воды. Осушив его до дна, он наконец то открыл папку и ещё раз внимательно её просмотрел. Допрос был процедурой серьёзной, поэтому и дело нужно было знать хорошо.

Звонок, резкий и всегда тревожный в ночи, заставил его подпрыгнуть. Неприлично выругавшись, он услышал родной, но уставший голос Агаты.

– Ну как ты? – девушка, очевидно, уже совершила все свои ритуалы и приготовилась ко сну. Но не позвонить другу она не могла.

– Нормально.

– Вань... что нормально? Ты обещал мне позвонить. Потом ты был недоступен. Я всё ждала, когда же ты мне наберёшь... Ну да ладно, я девушка не гордая, сама звоню. И ты мне говоришь просто… все нормально!

– Ну, я разговаривал с одним инквизитором. Сказал им, что Боря невиновен. Потом я потерял сознание, и меня привезли домой. Вот только отошёл.

Агата молчала. Ваня тоже. Каждый из них размышлял, но трубку не бросал. Агата была самым лучшим и самым дорогим человеком в его жизни.

– Хорошо, – наконец подытожила она. – Хорошо, что ты жив и тебя не забрали с собой инквизиторы. Значит, войдёшь в историю как первый, кто разговаривал с верхними тет-а-тет.

– Брось, наверняка были случаи.

– Были... но мы о них ничего не знаем. Скажи мне, что с твоим новым делом? Что-то мне тревожно!

Ваня кивнул, зная, что Агата видит и это. Как всегда, ей было интересно очередное его дело. Он действительно нуждался в ней больше, чем она в нём. Эта девушка была его ангелом-хранителем. Она давала ему советы, направляла в нужное русло, и он доверял ей. Поэтому, подтянув папку к себе, монотонно начал.

– За последний год было совершено три убийства, и сегодняшнее было как раз одним из них. Убийства страшно извращённые, гнусные. Именно с третьим преступлением я и вошёл в это дело. И умудрился пропустить допрос.

Тут он замолчал и понял, что не рассказал Агате про пса.

– Пропустил? Почему?

– Там была псина. Знаешь, такая большая, просто огромная...

Поведав девушке все подробности сегодняшнего убийства и то, как он пропустил допрос, он продолжил.

– Два предыдущих преступления были совершены с разницей в квартал. Самое первое убийство, ну, по крайней мере, первое, о котором удалось узнать, почему-то рекомендуется к изучению в последнюю очередь. Второе по счёту дело лежит в папке первым и совершено было как раз три месяца назад. Дело вёл некий Анатолий Прохоров, следак опытный и дотошный, судя по допросу, который он провёл во втором эпизоде.

– Почему вёл?

– Подожди. Давай по порядку. Ирина Бурых, девушка восемнадцати лет от роду, убила свою родную мать. Ранним утром, когда девушка собиралась в школу, в её голове возник странный голос. Сначала ей подумалось, что слуховые галлюцинации – это результат усталости и подготовки к ЕГЭ. Но увидев в углу своей спальни мужчину в чёрном облачении с огромным капюшоном на голове, девушка поняла, что происходит что-то необычное. Впрочем, это последнее, о чём она подумала, потому что потом её разумом и телом завладели.

– Это уже совсем интересно, – казалось, Агата перехотела спать. – Её допрашивали?

Не особо церемонясь с нудным вступлением, Ваня быстро перебежал пальцем по строкам и наконец остановился.

– А... Вот... – подытожил он, найдя её воспоминания, и углубился в чтение. – Отношения между покойной и Ириной были достаточно близкими, мужчины в семье не было. Мать рабо-

тала на двух работах и всю себя отдала дочери. В то злосчастное утро Ирина нанесла матери восемнадцать ножевых ранений. Применить нож ей приказал всё тот же наставник в чёрном огромном капюшоне. По словам Бурых, голос постоянно твердил: УБИТЬ!!!

Дальше, со слов девушки, она сопротивлялась. Мозг её никак не мог принять указания странного гуру. Тело же, наоборот, предательски выполняло любые указания нависшего над ней мистического мэтра. Она неосознанно сама выбрала нож, рассчитала выгодное положение, то есть, то самое место, где и должно было свершиться действо. В отчаянии она спросила своего нежеланного наставника, ей действительно стало любопытно:

– За что?

– Твой бедный отец мучается уже несколько лет из-за того, что хочет сблизиться с семьёй, а мать твоя против. Женщина, которая против воссоединения семьи, не должна жить на этом свете.

– Уфф... жесть... – отреагировала Агата.

– И именно в этот момент словно морок, хочу отметить, такой же, как и у Верникова, и у всех других, окутал её сознание. Девочка, как я понимаю, устала от материнской опеки. Мать стало уже не так жаль. Она действительно раздражала своей заботой и маниакальной опекой. Далее со слов девушки:

«Она, чёрт побери, всегда была права и знала абсолютно всё на свете. Её беспардонное сование своего носа в каждую мою проблему было уже просто невыносимым!

А что, если бы отец действительно смог с нами жить? Что, если бы мать дала ему возможность всё исправить и создать настоящую семью! Была бы я счастлива? Я вдруг отчётливо поняла, что не хочу и не могу больше видеть и слышать свою мать! Уж лучше я буду просто сиротой, чем замученной и отравленной любовью своей чокнутой матери девушкой.»

Ваня поднял голову от бумаг и глубоко вздохнул. С потолка до стены свисала длинная тень от лампы. Тень плясала, едва машина пробегала по ночной улице. Агата молчала. От сонных фар тень от лампочки скукоживалась и затем растягивалась по всему потолку. Смешно и тревожно.

– Как похоже на Бесов, – задумчиво произнесла Агата. – Обычный кукловод. Он руководит жертвой и, как правило, невидим и не проявляется. Как раз тема Харей, лярв, лунарий и саламандр. Список огромный, но эти – самые активные. Именно они подселенцы.

– Я тоже подумал, что там подселенец. Они же гадить могут только исподтишка, – благодаря Захару и Агате Ваня был в теме.

– Но тогда кто этот мужчина, который так искусно овладел разумом девушки, Верникова и других? Он не побоялся проявиться. Быть может, он тоже какой-нибудь избранный, который возомнил себя дьяволом? Есть допрос жертв?

Ваня сделал жадный глоток воды из стакана и, аккуратно поставив его на место, снова нырнул в бумаги.

– Разочарую тебя, моя прелесть. Душа матери немногословна. Она рассказала примерно то же, что и дочь.

– Родственные души? – спросила Агата, имея в виду допрос родственников убиенных. Такое, кстати, часто бывало. Начинаешь разговор с убиенной, и тут же вылезают хранители рода. Это те, которые наделялись властью и хранили свой род. К ним, конечно, прислушивались, но особое значение не придавали. Каждый в здравом уме будет защищать своих.

– Есть фотоотчёты и допрос, но там ничего серьёзного!

На этом дело Ирины Бурых заканчивалось.

– Второе дело? – Агате определённо нужно было идти в полицию.

– Дело об убийстве прихожанки священником!

– Да ладно! – Агата даже присвистнула. Спать из них двоих явно никто не собирался.

– Некая прихожанка была, по мнению священника, не чиста из-за своего мужа, она пыталась вытащить его из лап самого дьявола. По мнению служителя алтаря, женщина не стала его отмаливать, а приступила к действиям. Девушка не шла ни на какие уговоры священника, и тогда тот решил остановить её. Священник сбил бедняжку на машине. Так как свидетелей не было, он представил всё как самоубийство. Будто она сама кинулась под колёса, просто решив свести счёты с жизнью.

– Откуда это известно?

– Всё тот же следак, который вёл это дело! Был некий разговор, который заменил допрос, в нём как раз священник и посвятил Анатолия Прохорова, следака, в детали своей расправы. Он хотел остановить таким образом упрямую бестолковую жену бесноватого!

– Круто... круто, и всё белыми нитками. Я давно такого не слышала, – усмехнулась Агата. – Итак, Иван, мы приступили к изучению дела, которое оказалось куда интереснее и совсем не обычное. Точнее, оно кардинально отличается от всех известных нам. Совершенно очевидно, что перед нами сфабрикованное расследование. Допрос убиенной был?

– Никак нет-с, мой генерал, не было возможности допросить убиенную, она по каким-то причинам закрытая фигура, и вуаля… убийца притянут к делу за уши. Всё, на что ссылается обвинение – уверенность опера. Он прав! И всё потому что мой коллега, который резко пропал, умеет так же, как и я, и как любой опер моего уровня, входить в сумрак!

– Я должна посмотреть этого Анатолия!

– Я тоже думал об этом. Сам хочу.

– Тебе нужно ехать на пропущенный тобою допрос. Успеешь сегодня ещё, чтобы завтра не получить от начальства. Слушай, а где сейчас этот священник?

– Ну, это дело сумрака, – усмехнулся Ваня. – Сказано, что дело не закрыто, и так как инквизиторы ещё не вынесли свой приговор, священник спокойно продолжает свою деятельность.

Ваня откинулся на спинку стула.

– Это какое-то безумие! – проговорила Агата.

– Согласен. Я вот понять всё никак не могу... как связаны два абсолютно непохожих дела? Какое отношение имеет человек в капюшоне к священнику? Хотя этот человек есть и в первом, и во втором, и в третьем деле! Почему дело священника считается первым? Куда делся Анатолий Прохоров?

– Не знаю, – протянула задумчиво Агата и продолжила. – Ладно, давай... скинь мне фото этого Толика, я его посмотрю, потом тебе сообщу, и дуй на допрос. Перезвони мне завтра. Спокойной ночи.

– Спокойной.

Иван отложил телефон и папку в сторону и устало обхватил голову руками. Душа его ныла, и было как-то не спокойно. Что-то должно было произойти.

До дома Верниковых ехать минут двадцать. Уже внизу у подъезда желание сесть за руль пропало. Ваня не любил водить автомобиль. Особенно после того, что с ним однажды произошло. Конечно, вождение делало его мобильным и независимым, но паника, которая накрывала его, едва он брал в руки руль, отметала напрочь всё желание.

Старенький синий «форд» застенчиво стоял в дальнем углу двора. Этот ретро-автомобиль напоминал ему о родителях. Машина угрюмо пряталась под серым брезентом и подглядывала в круглую дырку одинокой фарой. Он достался ему от папы, и на дорогах был слишком давно, именно поэтому всё ещё жил. Кинув на него извиняющийся взгляд, Ваня вызвал такси.

Верниковы.

При воспоминании об утреннем вызове у Ивана скрутило живот, но он взял себя в руки и через пару минут его состояние улучшилось. Но тут было одно обстоятельство, с которым

молодой опер ещё не встречался. Хотя с Агатой они его обговорили, это не отменяло паники внутри него.

В этих убийствах не нужно было искать преступников. И молодые люди пришли к единогласному решению, что перед ними подселенец – сущность, которая руководит жертвой. Но вот в чём загвоздка: обычно эти сущности не проявляются. А тут был мужчина в чёрном капюшоне и с уродливыми руками.

Итак, все преступники были рядом, они не покидали места преступления. Они не пытались убежать, скрыться. У всех как на подбор был помутнён рассудок. Двое из них, исключая Верникова, приходили ненадолго в себя. Словно морок сходил с них, и они сокрушались о содеянном, но совершенно ничего не помнили.

Странно и совершенно непонятно, как с этим работать.

Маленький жёлтый разрисованный жук – такси, тихо прошуршав шинами, подъехало ровно через пять минут, как и было указано в приложении.

Опрос убиенных был действительно очень важным в первые семьдесят два часа. В это время душа ещё связана с миром живых. Она может и не понимать, что умерла. Часто всплывают очень важные детали, которые, к сожалению, позднее стираются в памяти. Но это не единственная причина, по которой нежелательно трогать душу позже. У каждой души есть свой путь: на земле он один, после смерти другой. И вызвав душу до сорока дней, есть большая вероятность отвлечь её от дел, которые намного важнее.

Но было ещё очень много тонкостей, про которые Иван слышал, но ещё не понимал. И спасибо большое Агате, которая помогала ему. Однако на некоторые вопросы не могла ответить даже она, и тогда он бежал к Захару. Там он точно получал всё, что ему было нужно. Ну или почти всё!

Он до жути боялся запутаться.

Но успокаивал он себя одним: каждое его дело будет давать новый опыт, в котором он будет пробовать разбираться сам. Если сил его не хватит, смекалка подведёт, у него есть два человека, с которыми путь его всегда ясен и чист.

Мысли унесли его так далеко, что он и не заметил, как приехал. Таксист объявил о завершении поездки и, расплатившись, Ваня вылез из машины и потянулся. Косточки здорово застоялись. Такое бывало с ним, когда он нервничал, и сейчас, похоже, был именно такой момент. Допрос был всегда делом интимным, тут требовались и ум, и смекалка, и психологические навыки следователя. Что-то, а психологом Ваня был неплохим. Поднявшись на нужный этаж, помявшись с минуту у опечатанной двери, Ваня всё же собрался и вошёл в сумрак.

Темнота и холод окружили его в первую секунду, но через пару глубоких вдохов всё прошло. Он уже привык и лишь изредка обращал внимание на мягкое покалывание на коже от перепада температуры, едва он покидал свою реальность и входил в сумрак. Тут всегда было холодно, всегда темно. Но несмотря ни на что это место навсегда останется его любимым миром. Хотя высшие слои ему были ещё недоступны.

В квартире, где произошла трагедия, стало ещё холоднее. Да и темнота стала более густой и бездонной. Место теперь было нежилое, а совершенное преступление образовало огромную дыру, зияющую в глубине квартиры. Она была далека, но всё же пугающе красива. Что-то вроде пробоины на корабле. Что она значила, Иван не знал, однако часто встречал такие дыры. Они его не очень-то беспокоили, никак не влияли на его работу, а он не собирался их изучать. Ещё один вопрос к Кулибину, как-нибудь он его задаст, но пока было достаточно просто любоваться.

Ваня осмотрелся. В помещении больше никого не было, да и, в принципе, быть не могло, но он ждал того пса. Было бы просто и глупо сейчас провернуть то, что он не смог сделать утром! Он понимал, что охранника поставили не просто так. Но надежда на то, что он ошибался и произошла какая-то путаница, всё-таки оставалась.

Сосредоточившись и закрыв глаза, он сначала тихо, а потом во всю силу призвал души умерших.

Сумрак затрясло. Как и сегодняшним утром, мир, в котором он так хорошо себя чувствовал, лихорадило и трясло. Ему пришлось на короткое время, всего на пару секунд найти себе опору, чтобы удержаться на ногах. Прохлада сменилась на жар, и, подобно утреннему, этот жар говорил о том, что за пределами квартиры, скорее всего, пожар. Воздух накалился за считанные минуты. Сотрясение сумрака, где Ваня сейчас пытался устоять на ногах, продолжало расти. Вибрация начала уменьшаться лишь тогда, когда очертания известного Ване зверя стали проявляться более отчётливо. Наконец, доберман проявился полностью, и тряска прекратилась. Иван уже стал привыкать, входя в сумрак, занимать устойчивое положение. И всё-таки путаницы никакой не было! Собака являлась защитой от допроса душ. Кто-то очень сильно не хотел, чтобы Ваня раскрыл это дело. Кто-то заметал следы.

Рыча, зверь улёгся на пол, скрестив лапы и гордо подняв голову, взгляд его не отпускал Ваню.

– Тише... тише, мой дорогой, – Ваня говорил, а сам прокручивал в голове, что же можно предпринять. Как можно выманить души? Как опросить их? Быть может, получится отвлечь милого пёсика? Но сам он, конечно, понимал, что это просто невозможно, ибо пёсик был неимоверных размеров, и настроен он был весьма решительно.

Он закрыл глаза и попробовал снова призвать души. Зверь вскочил и приготовился к прыжку. Рык его разрезал сумрак, оскал оголил острые, как лезвия, клыки. Слюни капали на пол, разбивались, и мелкие капли орошали всё вокруг, долетая до Ивана. Вонь стояла страшная. Смрад, что шёл от этих слюней, переворачивал все внутренности, тошнотой заполняя желудок и поднимаясь по пищеводу до самого горла. Притупив приступ тошноты, Ваня выставил руку вперёд, показывая своему врагу, что он остановился. Он прекратил. Зверь поднял уши кверху, сменил готовность к прыжку на сидячую стойку и, помотав мордой, щедро чихнул. Ваню вырвало, едва слюни попали на его лицо. Это, пожалуй, было теперь самым отвратительным моментом в его работе.

– Сука… – выругался он, когда прекратился рвотный рефлекс. – Какая же ты сука… или кобель, но то, что ты тварь – это точно!

Зверь улёгся на пол и, часто дыша, прищуривал глаза. Было понятно, он никуда не торопился.

– Чтоб тебя... – выругался Ваня и тоже присел на пол. Так просто это дело закончиться не могло. По голове его точно не погладят. Передадут дело другому, вот и всё, а Ване отныне будут давать всякую ерунду. Нет, надо было как-то решить эту проблему. Вдруг ему пришла в голову мысль о мороке! Люди, избранные, светлые и тёмные умеют наводить морок. Умеют лишать слуха и видения, и это, по идее, самое распространённое действие. Ваня тоже был избранным, он умел куда больше простых земных магов и чародеев. Неужели у него не получится навести морок на собаку?

Переведя дух, выдохнув и глубоко вдохнув, Ваня закрыл глаза. Доберман проснулся. Уши его встали торчком. Хвост заходил ходуном. Холка привстала.

Опер сосредоточился, напрягся и посылы его, предназначенные зверю, импульсом полетели в нужное направление. Пёс ещё с секунду таращился на Ивана и вдруг жалобно заскулил. Уши упали, морда теперь не казалась такой величественной и злой. Ваня открыл глаза и вскочил.

– Получилось!!!

Да, да, он смог, он крутой! Он смог, он решил проблему!

Вдалеке послышался голос. Ваня насторожился, затих и снова что-то услышал. Это было тихое эхо, лёгкое и звонкое, оно плыло откуда-то из-за пса.

– Ваня... Ваня... Ваня... – голос был нежным, мягким и принадлежал явно девушке. Теперь замер Ваня, ему ещё ни разу в жизни не доводилось слышать столько нежности в своём имени.

Пёс, поморгав, опустил морду в лапы и мирно засопел. Что происходило, Ваня понимал смутно. Собаку ему удалось усмирить, но кто звал его?

– Ваня... Ванечка...

Ваня, переминаясь с ноги на ногу, осмотрелся, встав на цыпочки, попытался заглянуть за пса. И у него это получилось. Не сразу, но он начал различать за силуэтом пса что-то прозрачное и светлое. Что-то лёгкое и воздушное, не призрачное, а реальное приближалось к нему из недр квартиры. Может, что-то вышло из дыры? Но разве может тёмное породить светлое? Ване так не хотелось, чтобы девушка, которая теперь полностью появилась из-за собаки, была как-то связана с той дырой.

– Ваня... – тихо позвала его девушка, и теперь Иван мог полностью её рассмотреть. А смотреть тут было на что. Она была богиня красоты и нежности! Молодой опер смотрел на светловолосую диву и не мог оторвать глаз. Лицо девушки было словно из мрамора, бледная и шелковистая кожа, тонкая и хрупкая, облепляла слегка припухлые щёчки. Полуоткрытые веки с бархатными ресничками показывали миру пару изумрудных глаз. Алый рот, словно капля вишнёвого сока на белоснежном мраморе. Она была идеальна!

– Я Ваня… – прошептал Иван, не отрывая от неё своего взгляда. Ему казалось, моргни он – и она пропадёт.

– Я знаю... зову тебя, потому что нужно кое-что доделать! То, что утром не успел!

Ваня встрепенулся. Радость ликовала внутри: она живая! Просто она такая же, как и он!

– Да... хорошо, – Ваня сделал шаг вперёд и покосился на пса. Тот спал беспробудным сном. Но девушка развенчала его думы о собственном успехе.

– Я усыпила его, он проспит ещё час, время есть...

Ваня сделал ещё пару шагов, но взгляд его был прикован к собаке. Думы были о ней.

– Послушай, не стоит проходить дальше. Души готовы… а ты рискуешь.

Ваня, наконец, оторвал свой взгляд от пса и нерешительно кивнул. Внутри кипело непонятное чувство. Страх сменился удивлением, потом последовало разочарование. Теперь был только интерес.

– Я спрошу... обо всём их спрошу... только ответь мне, кто ты? – он смотрел на неё, и дыхание его сбивалось. Такое с ним происходило впервые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.